

Сергей Могилевцев

Блистательный недоносок

Сергей Могилевцев

Блистательный недоносок

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=156569

Аннотация

Начинающий и практически никому неизвестный журналист Александр Немчинский работает в газете «Верное направление», и пишет дешевые статейки о вредителях комнатных кактусов и пользе обливания холодной водой по утрам. Совершенно неожиданно он подслушивает перебранку двух бомжей, в которой упоминаются таинственные слова: «Блистательный Недоносок». Сам не понимая, зачем он это делает, Немчинский тут же пишет статью: «Грядет Блистательный Недоносок», и обманом, с помощью своей возлюбленной Марины, работающей секретаршей шефа, публикует ее в газете. И завертелась история!

Содержание

КАРТИНА ПЕРВАЯ	8
КАРТИНА ВТОРАЯ	14
КАРТИНА ТРЕТЬЯ	24
КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ	39
КАРТИНА ПЯТАЯ	55
КАРТИНА ШЕСТАЯ	69
КАРТИНА СЕДЬМАЯ	79

Сергей Могилевцев

Блистательный недоносок

Комедия в 7-ми картинах

Начинающий и практически никому неизвестный журналист Александр Немчинский работает в газете «Верное направление», и пишет дешевые статейки о вредителях комнатных кактусов и пользе обливания холодной водой по утрам. Совершенно неожиданно он подслушивает перебранку двух бомжей, в которой упоминаются таинственные слова: «Блистательный Недоносок». Сам не понимая, зачем он это делает, Немчинский тут же пишет статью: «Грядет Блистательный Недоносок», и обманом, с помощью своей возлюбленной Марины, работающей секретаршей шефа, публикует ее в газете. И завертелась история! Главному редактору газеты, Турандотову, тут же звонят с разных сторон, в том числе из Кремля, и требуют объяснить, кого конкретно имел в виду автор статьи. Турандотов в панике. После целого ряда объяснений и визитов в газету разных лиц в его голове рождается безумная идея: объявить о создании партии Блистательных Недоносков, ибо это единственный выход и для него, и для его окружения остаться в живых. Безумная эта идея, однако, вызывает такой энтузиазм в обществе, что уже в скором времени в партию Блистатель-

ных Недоносков записывается множество людей. Тем временем Немчинский, автор статьи, спускается в московские катакомбы, и выясняет, что Блистательный Недоносок – это реальная личность, более того – талантливый поэт, который на его глазах трагически гибнет, оставив ему пачку своих стихов, некоторые из которых он успел прочитать вслух. Немчинский выходит на поверхность, появляется в газете, и попадает на банкет по случаю явления народу Блистательного Недоноска, руководителя вновь созданной партии. Он пытается объяснить гостям, как на самом деле обстоят дела, и даже читает им стихи погибшего поэта, но в ответ слышит лишь издевки и оглушительный хохот. Опустив голову, покидает молодой журналист обезумевших гостей, а тем временем в зал торжественно входит человек в маске, которого все считают Блистательным Недоноском, и который возглавит новую партию. Медленно, останавливаясь посередине сцены, снимает он маску с лица, чем приводит гостей в неопиcуемый ужас. Гости застыли в самых нелепых позах, и остаются в них бесконечно долго, а Блистательный Недоносок подходит к краю сцены, и так же долго, практически бесконечно, смотрит в зрительный зал. История закончилась. Время остановилось. Началось царствие Недоноска.

УЧАСТВУЮТ:

Немчинский Аркадий Гаврилович,
начинающий журналист, позже бомж.

Незнакомец в маске, он же Блистательный
Недоносок.

Турандотов Аполлинарий Игнатьевич,
главный редактор газеты «Верное направление».

Гондурасов.

Месопотамов.

Марина, его секретарша.

Антипов Троян Борисович, миллионер,
владелец газеты «Верное направление».

София Андреевна, его жена.

Влюбчивый.

Внимательный.

Зиндельштейн.

Шалун.

Крапива.

Ерш.

Колотун.

Недоносок.

Лимпопо Джузеппе Петрович, писатель.

Знойная Авдотья Ниловна, литературовед.

Кликуша Матрена Петровна, очень сильная прорицательница.

Всетаковский.

Смехотворный.

Харизматический.

Люся Шпичак, светская львица, и с ней стайка поклонниц.

Квазимодо Ваня, стриптизер.

Некто Прокофий Филиппович, проездом из Нижнего.

Гостина банкете, официанты, людивун и форме, прислуга.

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Набережная Москва-реки, ночь, светит луна. А р к а д и й, М а р и н а.

М а р и н а. Ах, как здесь романтично!

А р к а д и й. Не больше, чем в нашей с тобой газете. Здесь, милая девочка, реальность первого плана, здесь то, что создано некогда Господом Богом из хаоса и непрерывного дрожания атомов, а потом лишь немного подправленное людьми, которые одели в гранит эту реку, и пустили по ней речные трамваи попеременно с двумя-тремя неуклюжими баржами. Здесь еще все очень наивно: лунный свет, настоящий на вздохах влюбленных, сияние звезд, которого, впрочем, в большом мегаполисе увидеть нельзя, туманы полуночи и неизбежная проза рассвета, который всегда приходит слишком поспешно. Иное дело наша с тобой газета, где властвуют максимы совсем иного порядка, где каждый пишущий изначально равен Творцу, и может творить из этой сырой глины (*театральный жест по сторонам*) то, что угодно его душе.

М а р и н а (*прижимаясь к нему*). Как загадочно ты говоришь! Впрочем, в такую волшебную ночь вовсе не хочется разгадывать ребусы и загадки. Скажи мне, если не трудно, что-нибудь простое и приятное для ушей влюбленной де-

вушки, такое, о чем помнила бы она потом долгие годы.

А р к а д и й (*нетерпеливо отстраняя ее*). Ах, Марина, ну как же ты не понимаешь, что мне сейчас не до этих пустых сантиментов! Я весь переполнен идеями и проектами, я каждый день кладу на стол нашему с тобой общему шефу одну статью за другой, в которых излагаю свою точку зрения на текущий момент. Свой взгляд на устройство мира, а также вселенной и общества, который его, к сожалению, абсолютно не трогает.

М а р и н а (*насмешливо*). А если проще, то главный редактор нашей газеты «Верное направление», в которой я работаю секретаршей, а ты начинающим журналистом, взятым с испытательным сроком, не воспринимает всерьез твои великие сочинения. Мне каждый вечер приходится вытаскивать их из корзины, и выбрасывать в мусорный бак, который давно уже подружился с твоими выдающимися идеями и проектами. (*Еще более насмешливо.*) Не любит тебя наш шеф, милый Аркаша, ой, как не любит! Уже три месяца, как ты работаешь в нашей газете, а еще ни одной стоящей вещи так и не смог в ней напечатать. Не считая, конечно, заметок о пользе электронного осеменения кур и борьбе с вредителями комнатных кактусов. Мне кажется, после этих кур и этих вредителей наш Аполлинарий Игнатьевич еще больше тебя невзлюбил!

А р к а д и й (*угрюмо*). Ничего, Мариночка, придет время, и полюбит, как миленького. (*Доверительно, беря ее за*

рукав.) Ты знаешь, мне тут на днях пришла идея умопомрачительной статьи, смысл которой я так до конца и не понял, но которую, тем не менее, уже накатал, и даже положил на стол нашему шефу. Если он от нее не свихнется и поймет хотя бы часть моих идей и посылов, то это будет бомба, которая взорвет не только страну, но, возможно, и весь погрязший в интригах и мелочных дрязгах мир.

Марина (*с наигранным интересом*). Правда? И как же называется эта твоя статья?

Аркадий (*доверительным шепотом*). «Блистательный Недоносок»!

Марина (*поперхнувшись, она поражена*). Как-как, какой недоносок?

Аркадий (*торжественно, широко улыбаясь*). «Блистательный Недоносок», и это, Мариночка, есть самое великое и самое загадочное из всего, что я когда-либо написал. Что там несчастные куры с их банальным и несчастным осеменением! Что там вредители комнатных кактусов, о которых я теперь не могу вспомнить без смеха?! Бери, Мариночка, выше, бери так высоко, что даже задохнуться можно на такой высоте, если не умеешь дышать и не привычен к суровым горным условиям. Речь, Марина, идет о пришествии некоего человека, а может быть даже явления, суть которого мне понятна не до конца, но которое непременно вторгнется в нашу общую жизнь. Одним словом, любимая, речь идет о вещах таинственных и загадочных, сравнимых, возможно, с

тайфуном, землетрясением, а может быть даже с новым Потопом!

Марина *(она поражена)*. Но как же ты вышел на столь страшные вещи?

Аркадий *(оживляясь)*. О, ты не поверишь, но все было просто и даже банально. Я, как ты знаешь, люблю в поисках идей и сюжетов посещать разные сомнительные, а также вполне приличные места, вроде ипподрома, собачьих боев, сеансов магов, колдунов и новых мессий, городских трущоб и ночлежек, в которых можно услышать то, что ни за какие деньги не услышишь и не увидишь в модных литературных салонах. И вот, представь себе, в одной из таких ночлежек, которая, если честно, была просто задворками какого-то крупного супермаркета, я был свидетелем перебранки двух или трех бомжей, от которых, собственно, и услышал это выражение: «Блистательный Недоносок».

Марина. Услышал его из уст дерущихся бомжей?

Аркадий. Да, не то дерущихся, не просто пикирующих друг с другом. Среди бомжей ведь встречаются очень разные люди, некоторые весьма образованные и начитанные, есть даже бывшие доценты и профессора, и услышать из их уст что-нибудь стоящее и заслуживающее внимания не столь уж и мудрено. Некоторые выражения этих почтенных господ столь изысканны и благородны, что достойны внесения в книгу рекордов Гиннеса. Но на этот раз, ты знаешь, меня словно током ударило!

Марина. Тебя ударило током?

Аркадий. В переносном смысле, естественно, но эффект был примерно таким же. Я услышал всего два слова: «Блистательный Недоносок», – а передо мной словно бы открылась другая вселенная. Я тут же бросился домой, и, засев за письменный стол, стал писать статью о пришествии не то человека, не то, возможно, какого-то духа, который, очевидно, поработит всех нас и подчинит своей страшной воле. Понимаешь, я не знаю, когда это будет, и что это будет конкретно, но в то, что это грядет, верю решительно, и ни капли не сомневаюсь в своей правоте!

Марина(*резонно*). Как же ты можешь писать о том, чего не знаешь, и о чем конкретно не можешь толком сказать?

Аркадий(*порывисто*). Вот в том-то и дело, Марина, вот в том-то и дело, что меня околдовали эти два проклятые слова: «Блистательный Недоносок», – и я написал статью о том, чего толком не знаю, и чего толком представить себе не могу. Только лишь о том, что чувствую, и про что твердо знаю, что оно непременно теперь придет.

Марина(*с сомнением*). И ты думаешь, что наш шеф опубликует эту статью?

Аркадий(*безнадежно*). А мне уже не важно, опубликует он ее или не опубликует! Если не опубликует он, то опубликует другой. Я совершенно уверен, что напал на золотую жилу, и не слезу с этой жилы до тех пор, пока не вычерпаю ее всю до дна. Я теперь желаю лишь одного: разыскать

того самого бомжа, который произнес эти загадочные слова и произвел в моей душе такие надежды и опустошения!

М а р и н а(*с сомнением*). Ты собираешься искать этого таинственного бомжа?

А р к а д и й(*страстно*). Да, Мариночка, да, и начну это делать прямо сейчас. Если понадобится, то я посвящу этим поискам всю жизнь, но докопаюсь-таки до истины, и узнаю значение этих страшных и загадочных слов!

М а р и н а(*с сожалением*). Ну что же, ищи, а все же лучше было посвятить эту ночь совсем другим поискам и открытиям!

Обнявшись, уходят.

КАРТИНА ВТОРАЯ

Кабинет Турандотова. Обстановка типичная для подобного рода кабинетов.

Турандотов (*один, просматривая свежий номер газеты*). Позвольте, позвольте, а это еще что такое? Что значит «Блистательный Недоносок»? (*Качает головой.*) Нет, ну должны же быть какие-то границы дозволенного! Я понимаю, что озаглавить можно по-всякому, и сам всегда настаиваю на броских названиях, особенно в материалах на разные житейские темы, я сам люблю парадокс и интригу, но нельзя нарушать неписанных правил! (*Начинает внимательно читать статью, глаза его лезут на лоб.*) Что, что? Что такое? «Из невероятных туманов неопределенного будущего грядет к нам блистательный Недоносок, и его появление избежать уже не удастся!» Нет, надо же, неопределенное будущее, и почему-то без согласования со мной и с коллегами, хотя будущее нам известно доподлинно, и никаких явлений в нем не предвидится. (*Читает дальше.*) «Он весь конечен и несмел, он только лишь рождается из розовой пены утренней прекрасной Зари, он выходит из океана будней, как выходила богиня любви, прекрасная Венера, из океана мифов и сказок, созданных воображением античных народов. Он только лишь рождается, но это рождение, возможно, есть рождение

грядущего Бога». (*Задумчиво смотрит в даль, неопределенно покачивает головой.*) Нет, это уж очень круто, это как-то даже революционно и вызывающе. Это что же получается, что мы, в нашей газете, намекаем на рождение некоего существа, фактически Бога, и ставим всех перед фактом, не посоветовавшись даже заранее там, где обычно советуются, и не получив необходимого одобрения? (*Читает дальше.*) «Так упадем же, друзья, на колени, и протянем руки к тому, кого мы еще не знаем, и ни разу не видели, чье имя Блистательный Недоносок, и чей приход уже начинает преобразовать наши унылые и беспросветные будни!» (*Вскакивает из-за стола, начинает нервно ходить по кабинету, кричит в сторону двери.*) Марина! Марина!

Входит Марина.

Марина (*с кипой документов в руках*). Доброе утро, Аполлинарий Игнатьевич!

Турандотов (*показывая ей газету*). Ты это читала?

Марина (*удивленно*). Нет, а что здесь такое?

Турандотов (*возмущенно*). Если сказать, что это черт-знает что, то этим невозможно высказать и сотой доли моего возмущения. А также негодования, непонимания и неведения, ибо я действительно не понимаю, что здесь написано. Думаю, что этого не понимает и сам автор этой статьи. Ты знаешь, кто это все написал? (*Протягивает ей газету.*)

Марина (*берет газету, с любопытством*). Что, Аполлинарий Игнатьевич? «Люстра, состоящая из чистого золота, упала на голову самой выдающейся певице нашей страны»? Вы это имели в виду?

Турандотов (*разъяренно*). Нет, не это. Читай ниже!

Марина (*читает другую заметку*). «Депутат променял больную жену на гастарбайтера из ближнего зарубежья»? Это, Аполлинарий Игнатьевич?

Турандотов (*еще более разъяренно*). Нет, нет, еще ниже!

Марина (*наигранно, отложив в сторону документы*). «Грядет Блистательный Недоносок»? Вы это, Аполлинарий Игнатьевич, имели в виду?

Турандотов (*кричит*). Да, черт возьми, да, именно это! Кто разрешил, кто пропустил, кто утвердил эту статью? Кто нас всех подставил под монастырь, ибо неизвестно еще, чем эта статья аукнется для нашей газеты, и я не уверен, будем ли мы все живы к завтрашнему утру?! (*Доверительно, подходя к Марине, беря ее за подбородок, внимательно заглядывая в глаза.*) Поверь мне, девочка, как старому газетному волку, который сменил уже не один десяток разных, как толстых, так и не очень, газет и журналов, что эта статья, если ее вообще можно назвать статьей, содержит внутри себя водородную бомбу! Она страшна уже своей неопределенностью и намеком на будущие перемены, которые мы, при нашей направленности и нашем нынешнем руководстве,

позволить себе никак не могли. Эта статья таит в себе яд гремучей змеи, и ее трещотка (*указывает на телефон*) вот-вот начнет пугать нас всех что было силы! Одним словом, милая девочка, я предполагаю самое худшее, и хочу знать, кто позволил этой статье появиться в газете?

М а р и н а (*глядя на Турандотова честными и невинными глазами*). Вы, Аполлинарий Игнатьевич, все статьи, идущие в печать, визируете и утверждаете вы. Сейчас посмотрим, есть ли ваша подпись под этой статьей?! (*Берет со шкафа кипу бумаг, начинает листать их, находит нужную, радостно.*) Вот, Аполлинарий Игнатьевич, это как раз то, что вы вчера подписали. Статья Аркадия Немчинского, очень, между прочим, талантливого, хотя и начинающего, журналиста, называется, как вы уже сказали до этого: «Грядет Блистательный Недоносок», и подписана вами вчера в половине шестого. Вместе со всем номером, который сегодня с утра поступил к подписчикам, а также во множество газетных киосков нашей необъятной страны.

Турандотов (*выхватывает у нее из рук верстку статьи, разглядывает на ней свою собственную резолюцию*). О Боже, это действительно я подписал, и именно вчера в половине шестого, как ты и говоришь, невинное и непорочное создание, хранительница всех этих таких нужных сегодня и совершенно бесполезных завтра бумаг. (*Внимательно смотрит на секретаршу, кричит.*) Но кто, кто подsunул мне эту статью, кто дал мне ее на подпись, кто вообще дает мне под-

писывать всю эту гадость?! *(С отвращением обводит рукой свой кабинет, заваленный множеством разных бумаг.)*

Марина*(с совершенно невинным взглядом, ангельским голосом)*. Я, Аполлинарий Игнатьевич, именно я даю вам на подпись все те статьи и заметки, которые готовятся для нового номера.*(Еще более ангельски и невинно смотрит на шефа.)*

Турандотов*(некоторое время изучает ее, потом безнадежно машет рукой)*. Да, ты действительно невинна, и никакой оплошности, разумеется, допустить не могла. С таким ангельским видом невозможно быть внедренным агентом, засланным конкурентами и моими недоброжелателями с целью погубить и меня, и газету. С таким ангельским видом можно только лишь витать в высших сферах *(начинает небольшими шажками бегать по комнате и смешно взмахивать руками)* и петь песни о невинности мира.*(Отческим тоном.)* Смотри, милый мой ангел, смотри, невинная пчелка, как бы тебя жестоко не обманули, и в одно прекрасное утро ты бы не проснулась в сетях жестокого и расчетливого паука, какого-нибудь негодяя со стажем, какого-нибудь прожженного лицемера, возможно даже редактора крупной газеты, обманом заманившего тебя в свою паутину! Будь бдительной, мой ангелочек, и не верь никому, кроме меня, потому что я самый честный и самый неподкупный из всех редакторов крупных газет, которые когда-нибудь встретятся у тебя на пути!

Марина *(все так же невинно, делая реверанс)*. Хорошо, Аполлинарий Игнатьевич, я буду иметь это в виду!

Турандот *(немедленно меняя тон)*. Ну все, все, хватит этих лирических отступлений, дельце сделано, и славное дельце, черт побери, хоть я здесь и предполагаю чей-то подвох. Однако надо жить и постараться хоть как-то спастись. Немедленно ко мне Гондурасова и Месопотамова, и пусть посмеют только сказать, что они ничего до сих пор не знают!

Марина *(опять приседая)*. Сию минуту, Аполлинарий Игнатьевич! *(Забирает с собой документы, исчезает.)*

Турандот в некоторое время один, ходит по комнате, делает неопределенные жесты, говорит сам с собой, крутит пальцем около виска, показывает кому-то кукиши и другие неприличные знаки, потом опять садится.

Входят Гондурасов и Месопотамов.

Турандот *(бросаясь к ним с газетой в руках)*. Вы видели это?

Гондурасов. Видели, Аполлинарий Игнатьевич!

Месопотамов. Видели, но не знали, что это такое!

Турандот. Я тоже не знаю, что это такое, и догадываюсь, что я такой не один!

Телефонный звонок.

Турандотов (берет трубку, слушает, потом говорит). Да, Троян Борисович, это я! (Закрывает трубку рукой, заместителям.) Это Антиповов, хозяин газеты. (В трубку.) Конечно, Троян Борисович, мы видели эту заметку! Что сие означает, и как надо ее понимать? Видите ли, Троян Борисович, это, очевидно, эксперимент, я сам еще не во всем разобрался, и как только составлю полное мнение... (Закатывает глаза, и показывает гостям, в каком он затруднении.) Хорошо, Троян Борисович, немедленно составлять полное мнение, и звонить, как только во всем разберусь. И немедленно доложить, кого имел в виду автор статьи. (Пауза.) Хорошо, Троян Борисович, сейчас же спросим у него, и вам перезвоним. (Пауза.) Разумеется, Троян Борисович, он имел в виду не вас, и не кого-то конкретно. Он, видимо, просто так, помечтал немного, и таинственный Недоносок... Да, да, разумеется, не таинственный, а возмутительный Недоносок... Да, да, все понятно: выяснять немедленно, кто такой Недоносок, и звонить вам несмотря на погоду, на гром, на град, на небесные молнии и на набеги монгольской конницы! И только лишь Конец Света может оправдать мое бездействие в этом вопросе. И вообще мое нынешнее нахождение в кресле главного редактора зависит исключительно от моей расторопности... Хорошо, Троян Борисович, все сделаем, сил не пожалеем, всей редакцией поляжем, как один, как воины на поле брани, а выясним, кого конкретно имел в

виду автор статьи... До свидания, Троян Борисович, до скорой встречи. Немедленно перезвоню и все вам сообщу!

Кладет трубку, вытирает платком лоб, г о с т я м.

Вы слышали? Еле жив остался, и не уверен еще, усажу ли до вечера в кресле редактора. Одним словом, дорогие мои, такой неопределенности и таких нехороших предчувствий не было у меня уже долгие годы. С тех пор, как юным и неоперившимся юношей (*мечтательно закатывает глаза, смотрит вдаль*) ... Но, впрочем, оставим эти ненужные сантименты. Говорите немедленно, кто написал эту статью, и почему он еще не здесь, не в моем кабинете, со связанными руками и в ножных кандалах, не молит о пощаде, и не объясняет, что он хотел всем этим сказать?! (*Потрясает в воздухе свежей газетой.*)

Гондурасов. Позвольте мне, Аполлинарий Игнатьевич, я сейчас вам все объясню. Автор статьи о таинственном Недоноске (*помимо воли ухмыляется и старается скрыть это*) какой-то мелкий и начинающий журналист, практически стажер, принятый к нам с испытательным сроком. Ничего путного он еще написать не успел, кроме пары заметок о разведении кактусов и о пользе обливания холодной водой по утрам. Или что-то в этом роде, такое же незначительное и ничтожное. Зовут его Немчинским Аркадием Гавриловичем, и мы вообще хотели его увольнять, или, во всяком

случае, не собирались продлять первоначальный контракт. А как эта заметка появилась в газете, я, убейте меня, Аполлинарий Игнатьевич, не знаю, и ничего конкретного сказать не могу! (*Умолкает.*)

М е с о п о т а м о в(*подавшись вперед*). Позвольте мне, Аполлинарий Игнатьевич, дополнить слова коллеги об этом таинственном Недоноске... То есть, прошу прощения, об этом Недоноске вообще, который все вокруг поднял на дыбы и поставил на уши, так что торчим мы все по уши известно в чем, и как это все закончится, одному Богу известно!

Т у р а н д о т о в(*рывает*). Короче, ближе к делу!

М е с о п о т а м о в(*суется*). Да, да, Аполлинарий Игнатьевич, чем ближе к делу и чем короче, тем, разумеется, вернее, и тем ближе к правде, но дело в том, что этот самый Немчинский, сумевший неизвестно как просунуть в газету эту статейку (*кивает на газету, лежащую на столе Турандотова*), с сегодняшнего дня ушел в кратковременный отпуск, и где он сейчас находится, никому не известно. То есть, конечно, у нас есть его адрес, и при желании мы могли бы его найти, но стоит ли это делать, ведь дело сделано, то есть, я хочу сказать, статья напечатана, и ничего изменить, в сущности, невозможно! (*Выжидательно смотрит на Турандотова.*)

Т у р а н д о т о в(*кричит*). Стоит, еще как стоит! Немедленно искать, и притащить ко мне хоть связанным по рукам, хоть в ножных кандалах, хоть вообще в нижнем белье и в

невменяемом состоянии! Вон, вон, немедленно за работу, за дело, за поиски автора, за поимку этого негодяя! Изловить, притащить, доставить немедленно! Иначе мы все не доживем до завтрашнего утра, а мир вообще провалится в тартарары! Такое у меня на сегодня предчувствие! Блистательный Недоносок! Блистательный Недоносок! Блистательный Недоносок!

Кричит, раскрыв рот, наклонившись вперед, согнув ноги в коленях и расставив в стороны руки.

Гондурасов с Месопотамовым в испуге убегают из кабинета.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Жилище московских бомжей, расположенное где-то глубоко под землей, рядом со станцией метро. Время от времени слышен гул прибывающих и отправляемых поездов, а также голоса пассажиров. Немчинский, переодетый бомжем.

Немчинский (один, говорит сам с собой). Уже третий день живу я здесь, в подземном обиталище бомжей, и сам не знаю, зачем я это делаю? Какую правду я ищу, ответы на какие вопросы хочу я получить? У меня есть любовь, и я не знаю, настоящая она, или выдуманная? У меня есть работа, и я не знаю, фарс ли это, или действительно необходимая людям профессия? Я писал бессмысленные заметки, я не знал, к чему приложить свои силы, я думал, что уже погиб окончательно, и никогда не смогу стать стоящим журналистом. И вот передо мной, как искра, как вспышка света, мелькнуло какое-то видение, я ухватился за кончик истины, всего лишь подозревая, что это нечто большее, такое огромное и необъятное, что изменит в корне всю мою жизнь, а, возможно, и жизнь окружающих. Я услышал всего лишь два слова: «Блистательный Недоносок», – и был околдован их мрачной и тайной магией, о сути которой я еще не догадывался. Я стал разматывать этот клубок, я спустился в московские катаком-

бы, я стал временным бомжем, я пробирался по лабиринтам и подземным коллекторам, я полз по заброшенным шахтам, ходил на дело со своими новыми друзьями, вступал в стычки со случайными конкурентами. За три дня я узнал жизнь так, как не мог узнать ее за двадцать три ранее прожитых года, И вот наконец-то я раскопал то, что искал, ухватившись за кончик ниточки, всего лишь за два гипнотически подействовавших на меня слова; я наконец-то выяснил, что Блистательный Недоносок – всего лишь имя одного московского бомжа, который обитает в этой норе (*обводит рукой свое тесное жилище*), временно ставшей и моим вынужденным прибежищем. Ну и что дальше, ну и что мне это дало? Ровным счетом ничего, и моя бессмысленная статья, обманом, с помощью, очевидно, Марины тиснутая в газету, так и останется, по всей видимости, набором бессмысленных метафор и восклицаний, за которую меня, разумеется, уже успели с треском уволить. Вот итог моих неясных и полумистических прозрений, вот итог моей неудавшейся жизни. Я сижу в крысиной норе и жду возвращения моих новых товарищей, и, по всей видимости, путь наверх, в мир света и настоящей человеческой жизни, мне отрезан уже навсегда!

Некоторое время удрученно молчит. Входит Н е д о н о с о к.

А р к а д и й. Привет, Недоносок!

Недоносок. Привет, Крапива! *(Вынимает из сумки припасы, расставляет на столе, наливает в стаканы вино. А р к а д и ю.)* Давай, Крапива, выпьем, сегодня был хороший день, и неизвестно еще, что будет завтра, так что давай ловить миг удачи! *(Поднимает вверх стакан.)* За тебя, Крапива, за твое приобщение к миру московских бомжей!

Аркадий*(поднимает в ответ свой стакан).* За тебя, Недоносок, и за удачу, которая сегодня есть, а завтра может исчезнуть, как исчезает все в этой жизни!

Чокаются, пьют, некоторое время молча едят.

Аркадий. Расскажи мне, Недоносок, откуда ты получил такое странное имя? Если, разумеется, это не очень большой секрет, и ты не прячешь его от своих товарищей по несчастью?

Недоносок*(смеется, откидывается на стуле, или на каком-то подобии стула).* О нет, это, разумеется, не секрет, и о нем знают все, кроме тебя, Крапива. Недоноском меня прозвали из-за того, что я действительно недоношенный, и родился семимесячным потому, что мою матушку, царство ей покойной, небесное *(крестится)*, кто-то по глупости испугал. Но знаешь, Крапива, родиться семимесячным гораздо лучше, чем восьмимесячным. Восьмимесячные живут очень недолго, а у семимесячных шанс дожить до седины и до солидных годов гораздо больше, и многие этим шансом успеш-

но пользуются!

Аркадий. Вот оно что! Все, оказывается, очень просто. Ну, а приставку «Блистательный» ты за какие подвиги к своему имени получил?

Недоносок. А приставку «Блистательный», Крапива, я получил к своему имени уже гораздо позже, после того, как стал поэтом, переехал в Москву и издал здесь свою первую, а также и последнюю, книгу стихов.

Аркадий*(удивленно)*. Ты был поэтом и издал в Москве свою первую книжку стихов?

Недоносок*(продолжая закусывать)*. А что тут странного? Многие люди приезжают в Москву и издают здесь свои первые книги стихов. Пробыться в Москве вообще гораздо проще, чем в провинции. Москва – открытый город, это блистательный мегаполис, и вообще вселенная духа, здесь происходят стремительные взлеты и не менее стремительные падения вниз, здесь делаются состояния и имена, пишутся романы и стихи, ставятся блистательные спектакли и совершаются гнусные преступления. Здесь можно все получить и все потерять, и я, как видишь, тоже испил до конца эту сладкую чашу соблазна!

Аркадий*(заинтригованно)*. Ну а потом, что было потом? После того, как ты издал свою первую книгу стихов. Тебя заметили, ты стал известен? Тебя приглашали на какие-то презентации и вечера?

Недоносок*(грустно улыбаясь)*. Что стало потом? По-

том, Крапива, произошло то, что происходило до меня уже не с одним поэтом, – я испугался. Я испугался своих несовершенных стихов, я испугался большого пространства, яркого света пюпитров и люстр, который вдруг осветил меня всего, с головы до ног, со всем моим несовершенством и сомнением. Со всем моим блистательным несовершенством и блистательными, очевидно, блестящими талантами, который во мне был и никуда не ушел, и который как раз и дал мне приставку к моему первому прозвищу.

Аркадий. Ты испугался собственных стихов? Их возможного несовершенства и незаконченности? Да, я готов допустить, что так может быть, что люди действительно страшатся того, что родилось в их душе. И что же ты сделал после этого?

Недоносок (*грустно улыбаясь*). После этого? После этого я утопил свои стихи в ближайшем пруду.

Аркадий. Ты утопил в пруду собственные стихи?

Недоносок. Да, Крапива, я поступил именно так. Их было очень много, не меньше пятидесяти пачек, и я утопил их все до одной, методично, со слезами на глазах, с судорожными всхлипываниями и с осознанием того, что тепло в пруду собственное творение, свое родное дитя, которое сам же взрастил и взлелеял, сам дал жизнь, а теперь эту дарованную жизнь отнимаю. Я смотрел на свои пачки стихов, которые не хотели тонуть, которые плавали посередине пруда, а на них садились лягушки и утки и лили вместе со мной

горькие слезы. Но я был упорен и беспощаден, я нашел на берегу какую-то длинную палку, и методично, одну за одной, пустил на дно все злополучные пачки стихов, и к тому времени, когда они наконец-то ушли на дно, я действительно стал Поэтом. Поэтом с большой буквы, которому не страшно уже ничего. За моими подвигами у пруда наблюдали собаки, дети и бомжи. Последние отвели меня, полубольного и полубезумного, в эти подземные катакомбы, и дали мне мое нынешнее имя, то есть Блистательный Недоносок. Наверное, я и есть на самом деле такой, то есть гений и ничтожество одновременно, но это все временно, до тех пор, пока я не закончу писать новую книгу стихов, и не выйду наверх, чтобы снова издать ее, и начать все сначала.

А р к а д и й. Ты продолжаешь писать стихи? А не прочитаешь ли мне что-нибудь из вновь написанного?

Н е д о н о с о к. Пожалуйста, Крапива, я охотно сделаю это! (*Читает.*)

Эх, Рассея моя, Рассея,
Ненаглядная сторона,
Я тебя до поры засеял,
И собрал урожай сполна.

Я ходил по тебе до срока,
Я лежал на твоих боках,
Не давал никаких зарокон,
Уходил, не сказав «Пока!».

Погуляли с тобой мы вволю,
Погуляли с тобой мы всласть,
Пронеслись по лихому полю,
Подержали за вымя власть.

Озверевши от злой работы,
Ухватив коней под уздцы,
И давясь от припадков рвоты,
Мы сосали твои сосцы.

Эх, Рассея моя, Рассея,
Потому я такой больной,
Что давно уже все посеял,
И ушел другой стороной.

Ты бросала нас всех в атаки
На последний немецкий дзот,
И лизали мы, как собаки,
Твои руки и твой живот.

Ну так вой же, как эта сука,
Ощенившись в который раз,
Как последняя сладкая мука,
Зачарованный вечный Спас.

Брось скулить, и давайте выпьем
За озера и эту синь,
И надрывной болотной выпью

Будем на небо голосить.

Эх, Рассея моя, Рассея,
Неба синь и звериный вой.
Оттого я не жну, не сею,
Что навеки пленен тобой.

Пауза.

А р к а д и й (*восхищенно*). Вот это да! А можешь еще?
Н е д о н о с о к. Могу и еще. Охотно продолжу! (*Чита-
ет.*)

Трогай, ямщик, уже кони заждались,
Утренний свет уже манит в полет,
Все опоздавшие сзади остались,
И за тобою никто не придет.

Ты теперь волен скитаться, как птица,
Ты теперь волен сквозь небо лететь,
Пусть ослепительно вспыхнет зарница,
Пусть оглушительно шелкает плеть.

Плакать не надо и требовать сдачи,
Жалкой полушки не стоит жалеть,
Не вспоминай про былые удачи,

Не вороши потускневшую медь.

Так подними же повыше ладони,
Пусть подбородок не чувствует дрожь,
В звездном полете распластались кони,
То, что прошло, ты опять не итожь.

Вот и свершилось все так, как хотелось,
Вот и пришло все к простому концу,
Знать, не терпелось тебе, не терпелось
С Богом столкнуться лицом да к лицу.

Так погоняй же покруче, служивый,
Что наши кони и наши года!
Прошлой дорогой, нелепой и лживой,
Ты не поедешь уже никогда.

Пауза.

А р к а д и й (*восхищенно*). Обалдеть можно! Ты действительно Блестательный Недоносок, и это самое верное прозвище изо всех, что я когда-либо слышал! Прошу тебя, почитай мне еще!

Н е д о н о с о к. Ну что же, могу и еще, тем более, что товарищи пока не пришли, и не будут смеяться над моим скромным творчеством! (*Читает.*)

Париж ушел, и больше не вернется,
Над ним горит уставшая звезда.
Он был таким, как в песенке поется:
«Уехал ты, как видно, навсегда!»

Ты был моим прощальным поцелуем,
Ты был моей пещерой тайных грех,
И я, свиданьем сладостным волнуем,
Хотел тебя надолго и всерьез.

Но, видно, нам не суждено проститься,
Поскольку мы не встретились опять,
А потому давайте веселиться,
И пить за то, что нужно оставлять.

За блеск свечей и Эйфелеву башню,
За парижанок, трахнутых другим,
За утра стон, и за глоток вчерашний,
И за мечты, истаявшие в дым.

За твой уход и за мою потерю,
За то, что надо трезво принимать,
За то, что я тебе давно не верю,
А за одно уж за едрёну мать.

Прощай, Париж, ты был моим кумиром,
И не моя беда, что ты пропал,
Пускай дрожит над изумленным миром
Твоей улыбки пепельный оскал.

Париж ушел, и больше не вернется,
Над ним горит уставшая звезда.
Он был таким, как в песенке поется:
«Уехал ты, как видно, навсегда!»

Пауза.

Аркадий (*восхищенно*). Ты, Недоносок, очень большой поэт, и ты не должен больше ничего топить из своих стихов. Возможно, тебя захотят утопить другие, но это уже другая история, и ты, я думаю, полностью к ней подготовлен.

Недоносок. После пруда с лягушками, моих слез и моего отчаяния, а также этих катакомб, Крапива, я подготовлен уже ко всему. Ну а ты, почему тебя прозвали Крапивой?

Аркадий. Я пытаюсь жечь, но у меня это не очень-то хорошо получается. Возможно, к моему первому имени, «Крапива», следовало бы прибавить второе: «Ласковая». А, каково тебе это, Недоносок, – Ласковая Крапива, прямо как прозвище у американских индейцев!

Недоносок (*хохочет*). Вот это точно, прямо как прозвище в племени американских индейцев! Не хватает еще Сломанного Пера, и каких-нибудь Сладенькой Злючки и Востренькой Штучки, чтобы было не так тоскливо коротать долгие зимние вечера!

Оба смеются, разливают вино, пьют, закусывают. Появляется Колотун.

Недоносок(*насмешливо*). А вот и наше Сломанное Перо, то есть, прошу прощения, Колотун! Привет, старый бродяга, где это ты шатался так долго? Уж не на именинах ли у президента был ты, старый пропойца?

Колотун(*ставя свой узелок в уголке, вытаскивая из него разного рода добро, и внимательно разглядывая его в свете тусклой лампочки, висящей под потолком*). Нет, не на именинах у президента – у меня не было для этого подходящего смокинга. Да и зубы себе я еще не успел вставить, а на именины к президенту щербатого ни за что бы не пустили.

Недоносок(*удивленно*). Это почему же?

Колотун. Потому что на именинах у президента, как на всякой важной попойке, обязательно должен быть мордобой, а без мордобоя какая же это попойка? Ну а раз мордобой, то и выбитые зубы на нем тоже должны присутствовать. Так что туда пускают только тех, у кого можно хоть что-то выбить, а у меня давно уже все выбито, и я для президентской вечеринки не подхожу!

Недоносок(*смеется*). Резонно, вполне резонно. Ну а скажи мне, Колотун, как там дела наверху, и не намечается ли какого нового веяния и поворота в отношении к нам, жителям подземелья?

К о л о т у н(серьезно). Облава сегодня намечается новая, и не будь я Колотун, старый бомж, который в свое время имел и смокинг, и возможность ходить на вечеринки хоть к президенту, хоть к самому черту, если это не так. Советую тебе, Недоносок, забрать из тайника те деньги, которые копишь ты на свою книгу стихов, и держать их на всякий случай поближе к сердцу. Как гарантию от случайной пули, которая и сюда, в подземелье, иногда залетает.

Н е д о н о с о к(блаженно-расслабленно). Кому мы нужны, Колотун, и кому нужны наши несчастные миллионы?

К о л о т у н. Тем и нужны, кто сюда скоро придет! Мое дело предупредить, а дальше делайте, как хотите. Что до меня, то я пакую свои чемоданы и сматываюсь отсюда к чертовой бабушке!

Набивает барахлом свои сумки. Появляется Е р ш.

Н е д о н о с о к(поворачивается к Аркадию). А это Ерш, еще один индеец из нашего славного племени...

Е р ш(с порога). Полундра, облава, спасайся, кто может! Выследили нас, голубчиков, выследили, согласно закону о зачистке стоков и коммуникаций, и сейчас будут мочить!

Пробегает через помещение и скрывается в его противоположном конце.

Туда же, взвалив на себя сумки с добром, устремляется

К о л о т у н.

Где-то рядом слышатся свистки и раздается топот тяжелых ног. Потом крики: «Стой, всем оставаться на местах, стреляем без предупреждения!»

А р к а д и й прячется в углу, и замирает, в комнату врываются л ю д и в у н и ф о р м е. Крики, шум, брань, отчаянный голос Н е д о н о с к а: «Ребята, за что?! Я поэт! Это деньги на мою заветную книжку!» Ответные слова: «В гробу своей бабушке будешь про книжку рассказывать!»

Неровное освещение, лампочка под потолком то гаснет, то загорается снова. Несколько выстрелов, потом резкая тишина.

В мертвенном свете лампочки на полу тело Н е д о н о с к а с разбросанными в стороны руками и лужей крови около головы. Он мертв. Рядом несколько мятых купюр.

Пауза.

А р к а д и й выбирается из укрытия, подходит к Н е д о н о с к у, пытается приподнять его, прикладывает ухо к груди, потом выпрямляется, поняв, что он мертв. Плачет, размазывая слезы по щекам.

А р к а д и й (сквозь слезы). Прощай, поэт, ты так и не издал свою заветную книгу! Но не волнуйся, эту книгу издам за тебя я, и, поверь, ее не надо будет топить в пруду!

Идет в угол, забирает там рукописи Н е д о н о с к а, и

скрывается в темноте.

Неровный свет раскачивающейся из стороны в сторону лампы. Черно-белые тени по сторонам.

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Кабинет главного редактора газеты «Верное направление».

Турандотов и Марина.

Турандотов. Звонил кто-нибудь?

Марина. Звонили из Кремля, требовали разъяснений, говорили, что позвонят опять, и если вы не разъясните суть известной статьи, они сотрут вас в порошок. Лучше бы, говорили они, вам вообще было не рождаться на свет, чем намекать в своей статье на кого-нибудь из Кремля.

Турандотов (*хватаясь за голову*). О Господи, да не намекал я в этой статье ни на кого! Я вообще не знаю, откуда она появилась, и зачем этот сумасшедший ее написал?! Уже три дня я живу в подвешенном состоянии, и не знаю, что мне предпринять: то ли бежать на Москва-реку топиться, то ли объявить, что Блистательный Недоносок – это я сам. А заодно уж и Наполеон Бонапарт, и Чингис-Хан, и Малюта Скуратов в обнимку с Навуходоносором. А кто конкретно звонил из Кремля?

Марина (*смотрит в блокнот*). Советник президента Труффальдино Порфирий Борисович.

Турандотов (*хватаясь за голову*). О Господи, Труффальдино, я пропал! Это очень влиятельный человек, и уж

раз он сюда позвонил, значит, наверху определенно решились на смертоубийство! Пятьдесят на пятьдесят за то, что или выживу, или погибну. Послушай, Мариночка, у тебя нет какой-нибудь очень сильной прорицательницы или колдуньи, мне сейчас все равно, кто именно, лишь бы она предсказала мою дальнейшую судьбу и посоветовала: то ли действительно утопиться во избежание еще худших казней, то ли ждать разрешения ситуации?

Марина *(с удивлением глядя на Турандотова)*. Да есть тут одна, действительно очень сильная прорицательница, зовут Кликуша Матрена Петровна, к ней все наши обращаются, если надо кого-нибудь опоить любовным напитком или отыскать пропавшего мопса.

Турандотов *(хватаясь за предложение, как за соломинку)*. Мариночка, умоляю тебя, веди ее сюда побыстрее! Пусть будут любовные напитки и пропавшие мопсы, но только лишь бы она предсказала мою судьбу!

Марина *(весело)*. Хорошо, Аполлинарий Игнатьевич, бегу, сейчас приведу. А не хотите ли узнать, сколько она берет?

Турандотов. Да сколько угодно, Мариночка, мне все равно, рубашку с себя сниму, последнее отдам, лишь бы только остаться в живых!

Марина. Рубашкой своей вы не отделаетесь, придется снять и все остальное. Ну хорошо, бегу, а вы пока что держитесь, и молитесь, если умеете! *(Убегает.)*

Турандотов (*вдогонку ей*). Не могу, Мариночка, в том-то и дело, что не могу, не верил никогда ни во что, а теперь готов схватиться хоть за соломинку!

Телефонный звонок.

Турандотов (*берет трубку*). Главный редактор газеты «Верное направление»! (*Слушает, встает с кресла, и вытягивается в струнку.*) Да, Порфирий Борисович, это я! Да, понимаю, что вы звоните из Кремля! Да, конечно же, Кремль недоволен, и главным образом потому, что неизвестно, на кого намекают в статье? А мы, Порфирий Борисович, ни на кого в ней не намекаем, мы просто так для смеха напечатали эту статью. Чтобы всем было смешно, и все посмеялись, потому что последнее время всем было не очень смешно. А если честно, Порфирий Борисович, всем было немножечко грустно, вот мы и решили их рассмешить. Чтобы не плакали. Что-что? Как бы я сам не заплакал? Хорошо, Порфирий Борисович, как скажете, вам, безусловно, виднее. Если надо будет, то и заплачем, а если скажете, то животики от смеха себе надорвем. (*Слушает, что ему говорят.*) Что-что? Не ерничать, и искать выход из сложившейся ситуации? Объяснить встревоженной общественности, что в статье нет никакого намека, и попытаться повернуть дело так, чтобы все успокоилось и улеглось? Хорошо, Порфирий Борисович, задание понял, и приступаю немедленно к его исполнению! (*Неко-*

торое время слушает в трубку, потом медленно отнимает ее от уха, убеждаясь, что с ним больше не говорят, опять прислушивается, и наконец кладет трубку на рычаги.)

Пауза.

Турандотов (*вытирает платочком лоб*). Уф ты, кажется, пронесло! С Кремлем шутки плохи, могут или на месте убить, или дать пожить еще какое-то время. Но что же мне делать теперь? Приказали успокоить взбудораженную общественность, и спустить дело на тормозах. Но одно дело советовать, а совсем другое: действительно эту общественность успокоить. Если она действительно где-то имеется, и ее не успокоили еще до меня!

Нажимает кнопку звонка.

Входят Гондурасов и Месопотамов.

Турандотов. Ну что, нашли автора этой статейки?

Гондурасов. Нет, не нашли, как в воду провалился, чертов пачкун. Исчез из квартиры, и где он сейчас находится, неизвестно.

Месопотамов (*заискивающе*). Как бы это не было, Аполлинарий Игнатьевич, происком конкурентов из газеты «Прекраснейшее сегодня»! Вполне могли подложить свинью в виде засланного казачка!

Турандотов. Что, засланный казачок? Под видом стажера, работающего у нас с испытательным сроком? Вполне возможно, и очень похоже на конкурентов; я бы, во всяком случае, при необходимости поступил точно так же. Впрочем, сейчас это уже не важно, сейчас речь идет об общественности, которая может неправильно все понять. Неправильно понять, и, как следствие, не на шутку разволноваться. Кстати, и в Кремле придерживаются аналогичного мнения. Поэтому надо общественность успокоить, и напечатать какое-нибудь опровержение. В том смысле, что Блистательный Недоносок – это просто такая метафора, и газета ни на кого конкретно не намекала.

Гондурасов. А это действительно метафора, и чертов пачкун, запустивший ее, действительно ни на кого конкретно не намекал?

Турандотов*(кричит)*. Да я-то почему знаю, намекал он на кого-то или не намекал! Я знаю не больше вашего, и нахожусь в неведении вместе со всей общественностью!

Месопотамов. Да плюньте вы на эту общественность, не было ее никогда, и не будет, хоть в микроскоп ее разглядывайте, хоть каблуком к земле придавите!

Турандотов. Нельзя, дорогой мой. В Кремле решили, что лучше не плевать, и не придавливать каблуком, а лучше от греха подальше чем-нибудь успокоить. Так что идите, и подготовьте парочку опровержений, в том смысле, что это шутка вроде первоапрельской, и что никаких пере-

мен в стране пока что не намечается. Общественность любит первоапрельские шутки, особенно если их ей подробно растолковать.

Гондурасов. Растолковывать обществу суть шуток и анекдотов – мое, Аполлинарий Игнатьевич, любимейшее занятие как в свободное, так и в служебное время.

Месопотамов. А меня вообще хлебом не корми и водкой не пои, только дай истолковать смысл какой-нибудь хохмы и сплетни.

Турандотов (*облегченно*). Вот и хорошо, идите и растолковывайте. И пока не успокоите общественность, живыми лучше не возвращайтесь!

Заместители уходят.

Дверь открывается, входят Влюбчивый и Внимательный.

Влюбчивый (*с порога*). Вы – Турандотов Аполлинарий Игнатьевич?

Турандотов (*он смертельно испуган*). Да, то есть нет. То есть да, это я.

Влюбчивый (*очень мягко*). Не пугайтесь, мы не арестовывать вас пришли. Пока что. Позвольте представиться: Влюбчивый, сотрудник спецслужб. А это мой коллега, Внимательный, и тоже сотрудник соответственной спецслужбы. Разрешите задать вам пару вопросов.

Турандот (*наигранно, все еще во власти испуга*). Да, конечно же, задавайте, и даже не пару, а сколько вам будет угодно! (*Суетится.*) Садитесь, прошу вас, располагайтесь, как вам будет угодно, я весь внимание, и расскажу вам все, ни о чем не утаивая! (*Суетится, усаживая гостей.*)

Влюбчивый (*очень доброжелательно*). Это хорошо, что вы такой внимательный, это говорит в вашу пользу.

Внимательный (*очень мягко*). Почти что в вашу, но не совсем. Скажите, вы женаты?

Турандот (*опять смертельно пугается*). Я? Да, то есть нет, то есть да. Извините, я не знаю точно, и поэтому не могу сказать однозначно.

Влюбчивый. Это нехорошо, что вы путаетесь в показаниях.

Внимательный. Это не повышает ваши шансы, а, напротив, понижает.

Турандот (*он совершенно раздавлен и сбит с толку*). Простите, шансы на что?

Влюбчивый. На то, чтобы выйти сухим из воды.

Внимательный. А также не раскаиваться потом по поводу содеянного.

Турандот (*зловещим шепотом*). Разрешите, я сделаю чистосердечное признание?

Влюбчивый. А вот это вы правильно поступаете.

Внимательный. Давно пора, а то водите нас за носы, как мальчишек, а я, между прочим, майор с боевым

опытом, а он (*кивает на В л ю б ч и в о г о*) – настоящий полковник!

Турандотов (*он поражен*). Неужели полковник?

Влюбчивый. Да, полковник, хоть и не люблю хвастаться этим. Вот, пожалуйста, распишитесь, и не забывайте, что обо все здесь услышанном вы должны хранить обязательное молчание! (*Протягивает Турандотову отпечатанные на машинке и соединенные скрепочкой листы бумаги.*)

Турандотов (*он очень оживлен и необыкновенно весел, принимая бумаги и подписывая их*). Конечно, я буду нем, как могила, и не выдам ни за что тайну исповеди. То есть, прошу прощения, следствия. (*Внезапно падает на колени и ползет вперед к посетителям, протягивая подписанные бумаги, сквозь слезы.*) Простите меня, я больше не буду!

Влюбчивый (*строгим голосом, вставая*). Бог простит, а нас разжалобить вам не удастся! (*Забирает бумаги.*)

Внимательный. И не таких голубчиков раскалывали, поверьте уж моему немалому опыту!

Уходят, унося подписанные бумаги и презрительно поглядывая на Турандотова. Турандотов смотрит им вслед, потом встает с колен и отряхивается, идет, как ни в чем не бывало, к своему рабочему месту, садится.

Турандотов (*удивленно*). Надо же, пронесло, а я ду-

мал, что это конец! (*Внезапно преображаясь, передразнивая только что ушедших г о с т е й.*) «И не таких раскалывали!», «Поверьте уж моему немалому опыту!» Нет, это вы поверьте уж моему немалому опыту, потому что подписывался я на бумажке специальным пером, и через два часа от этой подписи ничего не останется. Так что можете смело сходить с ней в одно место и употребить на одно нужное дело! (*Самодовольно смотрит в сторону двери. Спыхватывается.*) Но все же, зачем они приходили?

Некоторое время сидит в задумчивости.

Дверь открывается, и заходят З и н д е л ь ш т е й н и Ш а л у н.

З и н д е л ь ш т е й н (*с порога*). Я депутат Государственной Думы Зиндельштейн!

Ш а л у н. А я Шалун, депутат той же Думы!

Т у р а н д о т о в (*удивленно*). Вы шалун?

Ш а л у н (*гордо*). Я Шалун с большой буквы. Понимаете: Ша – лун!

Т у р а н д о т о в (*он ничего не понимает*). Понимаю: ша – лун!

З и н д е л ь ш т е й н. Мы пришли, чтобы донести до вас мнение большинства депутатов: ваша статья о скором пришествии Блистательного Недоноска очень своевременна и написана, несомненно, талантливым автором!

Турандотов *(он поражен, сразу же оживляется)*. У нас все авторы необычайно талантливы. Вы, батенька, может быть, не знаете, но у нас, в газете «Верное направление», других просто не держат!

Зиндельштейн. Вы не Ленин и не говорите мне по этому «батенька»! Впрочем, это совершенно не важно, потому что речь идет о статье и о вашем Блистательном Недоноске.

Шалун. О нашем Блистательном Недоноске!

Турандотов *(пытается что-то понять)*. О нашем?

Зиндельштейн. Ну разумеется, о нашем, ведь мы все его так долго ждали, и верили, что он непременно придет. Не мешало бы, товарищ главный редактор, пригласить его на заседание Думы!

Турандотов. Кого пригласить?

Шалун. Блистательного Недоноска, пусть поделится с депутатами своими дальнейшими планами.

Зиндельштейн. И своей предвыборной программой, если у него таковая имеется.

Турандотов *(он, кажется, что-то сообразил)*. Видите ли, господа, Блистательный Недоносок – это пока что проект. Это не конкретный человек, а всего лишь ожидание конкретного человека. Это всего лишь ожидание грядущих событий, ожидание грядущей талантливой личности, которая объединит вокруг себя множество разнонаправленных партий и мнений. Это, господа, центр притяжения сил, центр

новой партии, создание которой уже началось, и членом Оргкомитета по подготовке которой я, с вашего позволения, являюсь уже несколько дней.

Шалун. Как так являетесь членом Оргкомитета вновь создаваемой партии? А почему же нам об этом ничего неизвестно?

Турандотов. Потому, что это пока что очень большой секрет, и там (*показывает наверх*) специально просили поостеречься и не слишком засвечиваться!

Зиндельштейн. А как будет называться эта новая партия?

Турандотов (*не моргнув глазом*). Партия Блистательных Недоносков.

Шалун (*он поражен*). Вот это да!

Зиндельштейн (*он не менее поражен*). Вот это гениально, нечего сказать! Обскакали всех, и главное, так блистательно, что никому не оставили ни малейшего шанса!

Шалун. А какова программа партии Блистательных Недоносков?

Турандотов. Об этом, господа, будет объявлено специально, и обязательно через нашу газету. Ждите, господа, специальных сообщений, и вы станете свидетелями необыкновенных событий!

Шалун (*заторопившись*). Вот это да, вот это сенсация! Надо немедленно обо всем доложить в Госдуме! (*Поворачивается к двери.*) Большое спасибо, и при случае замолвите

за меня словечко новому руководству!

Зиндельштейн (*тоже пятясь к двери*). И за меня тоже, если не трудно, замолвите!

Уходят.

Турандотов (*ласково глядя им вслед*). Замолвлю обязательно, куда же я денусь теперь?! Обо мне бы только замолвил кто-нибудь, если дело не выгорит, и придется-таки отправляться в места не столь отдаленные! Впрочем, может быть, оно и хорошо, что все так обернулось, ведь это если и не выход из тупика, то хотя бы попытка спасти положение!

Нажимает кнопку звонка.

Входят Гондурасов и Месопотамов.

Турандотов (*весело*). Ну что, додумались до чего-нибудь?

Гондурасов. Пока что не до чего, Аполлинарий Игнатьевич.

Месопотамов. И так крутили вопрос, и эдак, но ничего в голову пока не пришло.

Турандотов (*так же весело*). Зато мне пришло, и так неожиданно, что даже сам удивился, до чего же все просто решается. Впрочем, гениальное всегда очень просто. Учитесь, школяры, будете потом детям рассказывать! Итак,

все обернулось совершенно удивительной стороной, и статья этого идиота, этого недоноска, этого стажера, скрывшегося от страха неизвестно куда, принесет нам такую известность и так повысит тираж, что конкуренты только локти от зависти будут кусать! А этого болвана, этого бледного юношу, написавшего полную бессмыслицу и белиберду, придется повысить в должности и представить на соискание какой-нибудь премии.

Гондурасов. Но что же случилось, Аполлинарий Игнатьевич, что пришло вам неожиданно в голову?

Месопотамов. Не томите души уставших товарищей, расскажите нам все по-порядку!

Турандотов. По-порядку рассказывать слишком долго, а вкратце суть дела сводится к следующему. Там (*многозначительно показывает пальцем вверх*) одобрена идея о создании партии Блистательных Недоносков.

Гондурасов(*с сомнением*). А действительно ли там это одобрено?

Турандотов. А это не имеет никакого значения. У нас вообще все создается и все начинается с одобрения там (*опять многозначительно показывает наверх*), и поэтому если что-то возникло, оно возникло не просто так, и не без нужного одобрения свыше.

Месопотамов(*пытаясь понять*). Вот оно что! И в чем же суть этой партии? В чем ее стержень, в чем ее основная идея?

Турандотов. Партии Блистательных Недоносков? Об этом, батенька, решать не нам, а членам Оргкомитета, который соберется в самое ближайшее время, и о создании которого завтра с утра проинформирует всех наша газета.

Гондурасов. Прямо так с завтрашнего утра?

Турандотов. Да, прямо с завтрашнего утра, и вы оба лично ответите мне головой, если утром в газете не будет соответствующего объявления. Оргкомитет должен собраться, и объявить о создании новой партии, это единственный для всех нас шанс остаться в живых, и даже наварить неплохие проценты. Нам теперь отступать некуда, сами заварили эту кашу, сами ее и будем расхлебывать! Идите, и сделайте все, что требуется, иначе встретимся после всего не в узком кругу за бокалом шампанского, а на лесоповале в обнимку с чайничком и махоркой!

*Гондурасови Месопотамов поспешно уходят.
Входит Марина под руку с Кликушей.*

Кликуша (с порога, бросаясь к Турандотову). Знаю, миленький, все знаю, и ничего от тебя не буду скрывать! Большое дело затеял, рискуешь сильно, и играешь по крупному! Главное, миленький, напустить побольше туману и так всем запудрить мозги, чтобы думали, что они самые умные, хотя на самом деле они последние дураки, и ни на что не годятся. Так что стой до конца и прикидывайся дура-

ком, вот и выйдешь потом из воды самым умным!

Турандотов (*с любопытством поглядывая на Кликуюшу*). Так я, по-вашему, останусь в живых? Простите, не знаю имени-отчества...

Кликуша. Кликуша я, Матрена Петровна, прорицательница и колдунья, вижу то, чего не видят другие, предсказываю мор, землетрясения, глад и повальный разврат, а также пришествие разных сильных героев, которые к нам на Русь приходят один за другим, как чертики из табакерки.

Турандотов. А нет ли среди этих героев, среди этих чертиков из табакерки, некоего по имени Блистательный Недоносок?

Кликуша (*весело*). А как же, родимый, конечно же, есть! И тот, кто будет ему помогать, обретет очень большую силу и власть. Так что, миленький, дело твое очень верное, можно сказать беспроегрышное, и если ты не испугаешься, и дойдешь до конца, то обязательно получишь и деньги, и власть. После конечно, все переменится, после будут войны, моры и глады, но это будет потом, и нам об этом знать не положено. (*Неожиданно начинает канючить.*) Позолоти, родимый, ручку старой гадалке, дай что не жалко на поправку здоровья! (*Протягивает вперед скрюченную птичью лапку.*)

Турандотов (*роется в столе, достает пачку купюр, отсчитывает несколько, и подает Кликуше*). На, возьми, старая сводница, сам копил на протезы, да вот, отдаю за доброе слово!

*К л и к у ш а, приняв деньги, пятась, исчезает за дверью.
М а р и н а провожает ее.*

Т у р а н д о т о в(*один*). Да, не зря говорят, что судьба индейка, а жизнь копейка! Вишь, как все оно повернулось!

КАРТИНА ПЯТАЯ

Квартира Трояна Борисовича Антиподова, миллионера и владельца газеты «Верное направление». Здесь же жена его, Софья Андреевна, и Турандотов. Картины, люстры, антикварная мебель, несколько дорогих икон, цветы в вазах. У супружогов Антиподовых на груди большие значки с надписью: «Блестательный Недоносок».

Антиподов (*поддерживая за локоть Турандотова*). Дорогой Аполлинарий Игнатьевич, как хорошо, что вы к нам пришли! То есть, разумеется, не прийти вы не могли, ибо вы же сами и заварили всю эту кашу, но, слава Богу, все образумилось! Вы не представляете, как я перепугался, увидев в своей газете эту статью! Что за Недоносок, откуда Недоносок, зачем Недоносок? И, самое главное, на кого тут намекают? Вы знаете, положение миллионера, или, как обзывают нас теперь, олигарха, очень непрочное, тем более олигарха, имеющего собственную газету!

Софья Андреевна (*поддерживая мужа*). Мы долго сомневались, покупать ли нам эту газету, и не лучше ли оставаться в тени, собирая потихоньку иконы и дорогие картины?

Троян Борисович. Мы с женой равнодушны к иконам.

С о ф и я А н д р е е в н а. И к картинам, а также к породистым лошадям!

Т р о я н Б о р и с о в и ч (*укоризненно*). София Андреевна, не ставьте в один ряд картины и породистых лошадей, все же это разные вещи!

С о ф и я А н д р е е в н а (*возражая*). Ну почему же, Троян Борисович, не ставить в один ряд картины и породистых лошадей?! Очень даже можно поставить их рядом друг с другом, особенно когда картина в приличной рамке, и ее не зазорно повесить на стену.

Т р о я н Б о р и с о в и ч. Вы еще скажите – поставить в стойло, чтобы Аполлинарий Игнатьевич совсем смутился от наших пристрастий!

С о ф и я А н д р е е в н а. А чем нехороши наши пристрастия? Иная картина, особенно в позолоченной раме и с приличным пейзажем, выглядит не хуже, чем породистый жеребец, да и стоит ничуть не меньше. Я бы, например, если бы моя воля, дорогие картины ставила в стойло, а породистых рысаков помещал в картинные галереи. Больше бы порядка стало в стране, и не так зазнавалась всякая интеллигентская сволочь!

Т у р а н д о т о в (*смущено, опуская глаза*). Да, да, о вкусах не спорят...

С о ф и я А н д р е е в н а. У нас очень утонченные вкусы. Мы, между прочим, кроме породистых жеребцов, еще собираем иконы. Иная икона, Аполлинарий Игнатьевич, особен-

но в старинном окладе, может стоить несколько миллионов и заменить собой дорогую конюшню.

Антипов (*виновато улыбаясь*). Не слушайте ее, Аполлинарий Игнатьевич, это особый конек Софии Андреевны, если позволить себе такой каламбур: рысаки и дорогие иконы. Она для иного породистого жеребца готова построить целый дворец, а иную икону повесить у себя в ванной комнате.

София Андреевна. Вечно ты подшучиваешь надо мной, Троян Борисович, а ведь это очень удобно: принимать утром ванну, и глядеть на икону ценой в миллион долларов. Все, так сказать, рядом, все не отходя от кассы, и можно прямо здесь же выбивать покупателям чек за покупку.

Троян Борисович (*так же виновато*). София Андреевна, до того, как мы с ней познакомились, долго сидела за кассой в одном маленьком магазинчике и продавала покупателям чепчики и распашонки. Очень трогательно, не правда ли? Я ее за эту трогательность и полюбил с первого взгляда.

София Андреевна. Да, а теперь я продаю рысаков и картины, и покупаю себе газеты и иконы для ванной комнаты!

Троян Борисович. У Софии Андреевны появились новые вкусы.

София Андреевна. Почему же новые? Я и раньше, сидя за своим кассовым аппаратом, любила вкусно поесть. А

теперь приходится сидеть на диете, а гостей кормить бутербродами ценой в тысячу долларов.

Т р о я н Б о р и с о в и ч (*А н т и п о д о в у, озабоченно*). Кстати, о гостях: вы уверены, что сегодняшнее заседание Оргкомитета по созданию новой партии пройдет без сучка и задоринки, и приглашенные гости не будут выдвигать собственных требований? Опасаюсь я всех этих инициатив снизу, особенно таких спонтанных, как в нашем случае.

Т у р а н д о т о в. Наша инициатива снизу одобрена сверху. Сам Труффальдино Порфирий Савельевич, советник президента и не последний человек в Кремле, одобрил эту спонтанную, как выразились вы, инициативу!

Телефонный звонок.

А н т и п о д о в (*берет трубку, некоторое время слушает, сразу же изменившись в лице*). Да, да, Порфирий Савельевич, это я, доброе утро! Уже собрались в узком кругу, и ждем инициативную группу снизу. Конечно, конечно! кто придет снизу? придет общественность, Порфирий Савельевич, люди очень надежные и проверенные, соль земли, если можно выразиться. Придут выразители воли народа, который спал, и видел пришествие Недоноска. Что вы говорите, Порфирий Савельевич, в Кремле пока не решили, кого именно объявлять Недоноском, и поэтому не особенно акцентировать на этом вопросе? Хорошо, Порфирий Савелье-

вич, так и сделаем: констатируем, что движение недоносков проросло из глубин народной жизни и дало обильные всходы, и что пора это движение поставить в конституционное стойло, то есть, прошу прощения, в конституционное поле. А о лидере движения, о главном недоноске, пока что не будем упоминать. Пусть рядовые недоноски пока окрепнут и набухнут, словно опара, словно тесто в кадушке, словно брага в дубовом жбане, а что потом с ними делать, вы сами решите и нам сообщите? Хорошо, Порфирий Савельевич, так и сделаем! До свидания, Порфирий Савельевич, привет вам от преданных недоносков! То есть, прошу прощения, привет вам от Софии Андреевны!

С о ф и я А н д р е е в н а (*шепотом*). Спроси у него, как поживает тот породистый жеребенок, которого послала я ему в прошлом месяце? Встал ли уже на ноги, и не слишком ли резв для кремлевского стойла?

А н т и п о д о в (*отмахивается от нее*). Тс-ссс, тш – шшш, замолчи, не о жеребятках сейчас и не о стойлах! (*В трубку.*) Это я не вам, Порфирий Савельевич, это я муху от жены отгоняю! Что вы говорите! Передать ей, что гнедой жеребенок превратился в каурого, и что он очень уж резв для кремлевской конюшни, здесь таких не любят, здесь таким роги ломают? Хорошо, Порфирий Савельевич, обязательно передам! До свидания, Порфирий Савельевич, привет президенту, очень обяжете, если замолвите за меня пару словечек! (*Вешает трубку.*)

С о ф и я А н д р е в н а(недоуменно). Какие роги, никак не пойму? Я ведь жеребенка, а не козла ему подарила!

Т р о я н Б о р и с о в и ч. Это в переносном смысле сказано, и к твоему жеребенку отношения не имеет.

С о ф и я А н д р е в н а(возражает). Если жеребенок мой, то очень даже имеет. Я, слава Богу, лошадям пока что рогов не наставляла!

Звонок в дверь.

А н т и п о д о в(озабоченно). А вот и общественность снизу! Сейчас прислуга откроет, а вы, Аполлинарий Игнатьевич, нацепите пока что значок. Раз все мы теперь блистательные недоноски, то и нечего скрывать это от людей и от мира!

С о ф и я А н д р е в н а вешает на грудь Т у р а н д о т о в а большой значок с надписью: «Блистательный Недоносок».

Входит Л и м п о п о Д ж у з е п п е П е т р о в и ч.

Т у р а н д о т о в(представляя г о с т я). Разрешите представить: Лимпопо Джузеппе Петрович, писатель, постоянный автор нашей газеты!

Л и м п о п о картинно кланяется.

Т у р а н д о т о в (*поворачивается к хозяевам*). А это хозяева дома: Антиподов Троян Борисович, владелец газеты «Верное направление», и его супруга, Софья Андреевна.

А н т и п о д о в *пожимает Л и м п о п о* руку, а *С о ф и я* *А н д р е е в н а* подставляет ручку для поцелуя.

А н т и п о д о в (*гостю*). Прошу садиться. Не желаете ли чего-нибудь выпить?

Л и м п о п о (*усаживаясь*). Нет, покорнейше простите, дело превыше всего. Ведь, насколько я правильно понял из объяснений Аполлинария Игнатьевича (*кивок в сторону Т у р а н д о т о в а*), именно здесь, и именно в этот час состоится заседание Оргкомитета партии Блистательных Недоносков?

А н т и п о д о в. Совершенно верно, и я, с одобрения некоторых лиц, имена которых пока не хочу называть, являюсь председателем этого Оргкомитета. Да, не хотите ли, кстати, надеть на себя значок новой партии? (*Показывает на значок у себя на груди.*)

Л и м п о п о (*подскакивая на месте*). С превеликим удовольствием сделаю это. Я вообще, знаете ли, теоретически, умственным путем пришел к выводу, что я недоносок. То есть самый обыкновенный, ничтожный и униженный и глубине души недоносок, который чувствует собственную ущербность, и подозревает, что вокруг все точно такие же. (*С жаром.*) О, вы не поверите, но нас, недоносков, очень мно-

го, можно сказать, что нас вообще большинство, и мы составляем главную часть населения этой страны. (*Еще более воодушевленно.*) Да, мы, маленькие, мохнатенькие, шевелящие, как гусеницы, своими лапками, недоноски, составляем хребет нашей могучей державы, и желаем объединиться под общим флагом, общей хоругвью, которая и поведет нас к новым свершениям. Нам нужен только лишь клич, только лишь первый пример, только лишь призыв выйти на улицу и становиться один за другим в полки и колонны, которые запрудят все от горизонта до горизонта, и будут шевелить, как гусеницы, своими маленькими ложноножками, и петь общую песнь нашей грядущей мечте!

По окончании этого монолога Л и м п о н о уже стоит с ногами на диване, и хочет переместиться оттуда на стол, но С о ф и я А н д р е е в н а его удерживает одной рукой, а другой пытается прикрепить к груди значок с надписью: «Блестательный Недоносок». В конце-концов ей это удаётся.

Звонок в дверь.

Л и м п о н о понемногу приходит в себя, отгоняет от глаз сказочные видения, явившиеся ему, и неохотно садится на место.

В прихожей голоса, прислуга открывает дверь и впускает В с е т а к о в с к о г о, Смехотворного и Х а р и з м а т и ч е с к о г о. Т у р а н д о т о в вскакивает на ноги, и одного

за другим представляет г о с т е й.

Турандотов (*торжественно*). Прошу любить и жаловать: представители общественности, посланные сюда своими коллективами, и, можно сказать, одобренные всеобщим и тайным голосованием. Господин Всетаковский, господин Смехотворный, и господин Харизматический! Прошу приветствовать новых гостей!

Все пожимают друг другу руки и рассказываются. Слышатся возгласы: «Очень приятно!», «Душевно рад!», «И мне очень приятно!». Софья Андреевна прикрепляет в н о в ь прибывшим значки.

Антипов (*откашливается, торжественно*). Ну что ж, теперь все члены Оргкомитета в сборе, и можно приступить к основной части сегодняшнего заседания. Все мы посланы сюда сплоченными и дружными коллективами, все прошли строжайший отбор и селекцию, и все мы согласны с тем, что в обществе, подспудно и незаметно, выросло нечто огромное, страшное и прекрасное, вызрела необходимость в организации новой партии, которую мы, члены этого Оргкомитета, называем партией Блистательных Недоносков. Надеюсь, ни у кого из присутствующих нет против этого возражений?

Все молчат. Наконец С м е х о т в о р н ы й несмело тянет вверх руку.

А н т и п о д о в (*доброжелательно*). Да, вы хотели что-то сказать?

С м е х о т в о р н ы й. Моя фамилия Смехотворный.

А н т и п о д о в. Как вы сказали?

С м е х о т в о р н ы й. Смехотворный. Если по буквам, то: Сме-хот-вор-ный. Но это не от того, что мне все время смешно, а от того, что надо мной все время смеются. Я, господа, можно сказать, самый осмеянный и самый охаянный человек на земле. И фамилия моя как раз и констатирует это. Я, господа, совсем уже извелся и разочаровался во всем, и даже несколько раз хотел наложить на себя руки, но, слава Богу, теперь мне все становится ясно, ибо нынешнее мое состояние – состояние смехотворного человека, – на самом деле блистательно, и даже востребовано в обществе. Я, господа, типичный блистательный недоносок, и я обеими руками голосую за новую партию. Конечно же, лучше бы было ее обозвать партией божественных недоносков, но и старое название тоже неплохо. Одним словом, я, как член Оргкомитета, готов подписать любые бумаги, и рад за этот подарок судьбы, который свел меня с моими единомышленниками!

С о ф и я А н д р е е в н а (*удивленно*). Вот интересно, а как же я попала в блистательные недоноски? У меня вроде бы все доношено (*ощупывает и оглядывает себя перед зер-*

калом со всех сторон), однако какой-то червячок во мне все же живет. (*Наивно, присутствующим.*) Вы не поверите, господа, но чем больше человек имеет, тем больше ему хочется изваляться в грязи! Просто потребность, господа, какая-то, просто патология чрезвычайная: и самому в грязи изваляться, и других рядом с собой извалять! Нет, решено, господа, записывайте и меня в блистательные недоноски, я тоже люблю блистать, и желательно среди недоношенных и неупакованных, чтобы лучше были видны меха и бриллианты!

Антиподов (*подбегает к с у п р у г е, падает перед ней на колени, припадает к ручке*). Милая моя, ненаглядная, солнце мое, взошедшее над кассовым аппаратом в маленьком провинциальном городе! В паршивом маленьком городишке, где отыскал я тебя, изнемогающую под взглядами тысяч похотливых и наглых глаз, всех этих покупателей, клиентов и прочее! Солнце мое, и олигархи тоже бывают блистательными недоносками! Ведь это, радость моя, диалектика, это совмещение несовместимого, это огромный сундук с сокровищами, украденный у других, и отданный в лапы ничтожного человека! Вот, вот в чем суть олигарха, вот в чем моя суть, дорогая моя, и вот почему я, Троян Борисович Антиподов, по зову свыше, а также по велению сердца, являюсь председателем этого Оргкомитета!

Обнимает за колени с у п р у г у, прижимается к ней лицом, растирает рукой бегущие слезы.

Всетаковский*(вскакивая на ноги)*. И я, господа, и я хочу объясниться, более того – покаяться за прошлые поступки и преступления! Нет, господа, я так далеко, к сожалению, не зашел, но я, простой бухгалтер по фамилии Всетаковский, оттяпал-таки у общества солидный кусок общего пирога, и тоже поэтому являюсь блистательным недоноском. Недоноском потому, что поступок мой, затянувшийся на долгие годы, – а оттяпывал я постепенно и незаметно, – несомненно гнусный, и заслуживает осуждения. А блистательный оттого, что все мы, маленькие камушки в общей короне низости и обмана, блестели под солнцем общего греха и общей ответственности, и блеск нашей общей низости затмевает вокруг все остальное! И меня, и меня записывайте в партию Блистательных Недоносков, и я обеими руками голосую за ее немедленное создание!

Бросается к супругам Ант и подовым и прижимается к ним, становясь на колени, и покрывая поцелуями ноги Софии и Андреевны.

Харизматический*(в свою очередь вскакивая на ноги)*. И мне позвольте, и я тоже хочу поучаствовать!

София Андреевна. Милости просим, для общего дела не пожалею ни рук, ни ног!

Смехотворный*(с колен)*. Сначала покайся, а потом

уж и присоединяйся к товарищам!

Х а р и з м а т и ч е с к и й. А, была – не была, в омут, так в омут! Я, други мои, оттого блистательный недоносок, что в душе еще больший негодяй, чем все остальные здесь находящиеся. Я тайный человеконенавистник и подлый доносчик, заложивший за свою долгую жизнь множество невинных людей, хоть и работаю обыкновенным нотариусом. Я, господа, классический недоносок, и блистаю среди вас, как алмаз первой величины! *(Присоединяется к остальным.)*

С о ф и я А н д р е е в н а*(из-под горы тел).* Нет, мои алмазы ярче блистают, но все это в прошлом, я теперь принадлежу всем вам, и готова отдать всю себя без остатка на общее дело!

Л и м п о п о. И все же, друзья, ваша недоношенность ни в коей мере не может сравниться с моей, ибо вы все дилетанты, хоть и есть среди вас олигархи, а я все же писатель, и изощренность моя не знает границ. Писатели вообще, господа, самые изощренные злодеи и недоноски, без этого и писать вообще было бы невозможно. *(Воодушевленно.)* Я ваш, господа, без остатка, и готов тоже присоединиться к общему телу и общему делу. Свальный грех, господа, так свальный грех, чего уж ходить вокруг да около, все мы люди, все мы человеки, и во всех нас живут маленькие червячки! *(Бросается с разбега на Софию Андреевну, но попадает на Всеволодского, и застывает, прижавшись ртом к его пухлой щеке.)*

Турандотов *(в сторону)*. До чего же иногда доходит народный энтузиазм! До чего же доходит движение снизу! Хотели создать Оргкомитет, а получился Лаокоон, облепленный змеями! Только кто Лаокоон, и кто змеи, – вот в чем вопрос!

С размаху кидается на остальных. Все падают на пол. Звонит телефон. Антиподов с трудом высовывает руку, дотягивается до трубки, слушает, потом говорит радостным голосом.

Антиподов *(радостно и торжественно)*. Да, Порфирий Савельевич, это я. Да, собрание Оргкомитета новой партии Блистательных Недоносков можно считать успешно и блистательно завершенным. Все документы подписаны, и новая партия, рожденная инициативой снизу, наконец-то вышла из подполья на солнце. Блестит она, Порфирий Савельевич, блестит и переливается под солнечными лучами. Теперь и о всенародном съезде можно подумать, так и передайте это куда следует. Обязательно передадите? Благодарю, Порфирий Савельевич, а нам самое время выпить шампанского! *(Кричит.)* Зойка, шампанского!

Входит прислуга с подносом и раздает всем присутствующим, сидящим и лежащим на полу, бокалы с шампанским.

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Берег Москва-реки, ночь, редкие фонари. Марина и Аркадий.

Марина (*бросаясь к Аркадию*). Это ты? Но откуда, и почему так долго? Знаешь, когда ты позвонил мне по телефону, я не поверила, и решила, что меня кто-то разыгрывает. Мне показалось, что это звонок с того света!

Аркадий. Это было недалеко от истины, потому что там, куда я спустился, нет солнца и нет жизни, там царят совершенно другие законы, и это вполне можно назвать другим светом. Но там тоже, Марина, есть жизнь, там тоже есть правда, пусть и другая, пусть и отличная от той, к которой привыкли мы, и там тоже живут люди. Живут и умирают, и им так же больно и так же страшно, как нам!

Марина. О чем ты говоришь? Куда ты спускался? Ты бредишь!

Аркадий (*нетерпеливо, отстраняя ее*). Нет, Марина, это не бред, это правда, только другая, и, возможно, более чистая и более истинная, чем та правда, к которой привыкли мы. Наберись терпения, и я тебе обо всем расскажу.

Марина. Рассказывай, а то заинтриговал, и столько наговорил, что я и не знаю, о чем думать теперь.

Аркадий. Хорошо, хорошо. Все дело в том, что я,

Марина, был бомжем. Я решил провести собственное журналистское расследование и выяснить, кто же он, этот таинственный Блистательный Недоносок, о котором написал я в своей дурацкой статье.

Марина (*резонно*). Не забывай, что это я помогла тебе ее напечатать!

Аркадий (*так же нетерпеливо*). Да, да, я это знаю! Мою первую, совершенно невообразимую и дурацкую статью, которая так меня напугала, что я решил бежать куда угодно от вполне справедливого гнева редактора и читателей, и ухватился за это журналистское расследование, как за соломинку, которую бросила мне судьба.

Марина. Ты ухватился за расследование, как за соломинку?

Аркадий. Да! и эта соломинка заставила меня на время изменить мою внешность и мой образ жизни, отправив в такие места, о которых я раньше и не подозревал!

Марина. И что же это за места?

Аркадий. Это места, в которых живут отверженные: бродяги, бомжи, воры, проститутки, сонмы беспризорных детей, которых, кажется, не меньше, чем детей, живущих с родителями, уроды, убийцы и наркоманы, проходимцы разных мастей, – одним словом, Марина, отверженные, которым нет места в нормальном мире.

Марина. Отверженные?

Аркадий. Да, отверженные, ютящиеся на вокзалах, в

заброшенных домах, на чердаках, в подвалах, в подземных катакомбах, и вообще на задворках общества, которое отвергло их и высокомерно не замечает. Но это люди, Марина, которые живут и дышат, так же, как мы, и которые страстно желают вновь стать нормальными и свободными.

Марина. Нормальными и свободными?

Аркадий. Да, хотя я и не уверен теперь, где больше нормальности и свободы: здесь, у нас, или там, под землей, где я жил последнее время.

Марина. Ты жил под землей?

Аркадий. Да, я жил под землей, в катакомбах, в заброшенных шахтах метро, в душных сырых тупиках, и видел, как погибают люди, которые лучше и чище, чем многие, живущие наверху!

Марина. Неужели такое возможно?

Аркадий. Возможно, Марина, возможно! О, ты не поверишь, но там, глубоко под землей, я познакомился с замечательным человеком, поэтом, который издал свою первую поэтическую книгу, и испугался этого точно так же, как я, напечатав свою первую в жизни статью!

Марина. Он испугался своей первой поэтической книги?

Аркадий. Да, Марина, да, но он не чета мне, он настоящий поэт, я по сравнению с ним пустое ничтожество! Вот, слушай, слушай, это его стихи, которые теперь стали моими!
(Читает навзрыд.)

Урод и Слепая составили чудную пару,
Урод и Слепая на маленьких скрипках играли,
А после, забывшись, терзали большую гитару,
И пели про гурий, живущих в восточном серале.

Урод и Слепая, обнявшись, встречали рассветы,
Урод и Слепая не знали, что были безумны,
И виделись им нисходящие в бездну кометы,
И слышались им голоса и сладчайшие струны.

Они проходили по жизни, как светская пара,
Они посещали приемы, банкеты, собрания,
И даже Войтыла, святой католический папа,
Одобрил их вечный союз, как венец мироздания.

Им было плевать на безумье, на зло, на картины
Паденья и чванства живущих в подлунных столицах,
Они открывали друг в друге такие глубины,
Что, кажется, были едины в отверженных лицах

Но все это кончилось вмиг, как кончаются реки,
Которые падают вниз, в бесконечное море, —
Они вдруг прозрели, и стали, как те человеки,
Которых постигло большое и тяжкое горе.

Урод вдруг очнулся, Слепая ж открыла глазницы,
И все происшедшее стало им страшно и тяжело,
И долго глядели на вечность их бледные лица,

И долго сердца трепетали под тонкой рубашкой.

А после Урод застрелился, не выдержав пытки,
Слепая же, ставшая зрячей, разрешила вены,
И тихо стонали от горя столетние скрипки,
И пели про кровь, и про то, что грядут перемены.

Так кончился этот союз двух безумных созданий,
Так кончился этот визит на ристалища мира,
И долго еще утонченные пальцы латаний
Плели им венок, и рыдала скорбящая лира.

А следом иные безумцы пришли им на смену,
Но долго еще, повторяясь в бесчисленных масках,
Урод и Слепая не раз выходили на сцену,
И зрители плакали, веря свершившейся сказке.

Пауза.

Марина(*удивленно*). Как хорошо! А еще что-нибудь можешь прочесть?

Аркадий. Да, да, вот, пожалуйста, еще в том же духе! (*Читает опять.*)

Я молился не тем богам,
Плыл вперед не по той реке,
Ничего не прощал врагам,

Погибал в ледяной тоске.

Я глядел на пожаров медь,
Я дошел до края земли,
Зарекался влюбляться впредь,
И друзей забывал в дали.

Я иконы снимал со стен
Потемневших старых дворцов,
Разгребая руками тлен
Отошедших к богам отцов.

Я не знал, что такое боль,
Я надеялся жить всегда,
И моя проходная роль
Удавалась мне без труда.

Мне светила удача вслед,
Нет страны, где бы я не бывал,
И на мой отчаянный след
Набегал океанский вал.

Я всегда пел то, что хотел,
Я всегда пил много вина,
Плел венок из прекрасных тел,
И не знал, в чем моя вина.

Но теперь я понял, что был
Только пешкой в чужой игре,

Что стремительный бег кобыл
Вдруг закончился в декабре.

Что моя удача была
Только ширмой чужих утех,
И моя золотая стрела
Сгоряча полетела не в тех.

И поэтому я стою
На краю большого пути,
И уже ничего не пою,
И не знаю, куда идти.

Пауза.

М а р и н а (*удивленно*). Ты читаешь так, будто это твои собственные стихи.

А р к а д и й. Ты почти что права. Дело в том, Марина, что этого человека, этого поэта, больше нет, его убили, и я поклялся издать вновь все то, что он написал. Ты не поверишь, но я сам начал писать, и делаю это безостановочно, не зная уже, где кончаются его стихи, и начинаются мои!

М а р и н а (*внимательно глядя на него*). Да, ты изменился. Скажи, а как звали этого погибшего поэта?

А р к а д и й. Его звали Блистательный Недоносок!

М а р и н а. Как, как? Ты не шутишь?

Аркадий. Нисколько. Так прозвали его бродяги, с которыми он жил, и которым читал свои только что написанные стихи. Они были его первыми слушателями, и, поверь мне, очень благодарными слушателями!

Марина. Значит, ты докопался до истины? Впрочем, эта истина теперь никому не нужна!

Аркадий. Почему?

Марина. Потому что Блистательный Недоносок, по мнению многих, – это спаситель отечества, явление которого ожидается со дня на день. А если точнее, то завтра, и по этому случаю в нашей газете организован грандиозный банкет. Гости, приглашенные на него, уже вступили в партию Блистательных Недоносков, – да, да, дорогой, уже есть и такая! Им не хватает лишь одного – лидера, чтобы заявить о себе еще более громко.

Аркадий. Ты не шутишь?

Марина. Нисколько. Твоя безумная статья вызвала в обществе такой безумный ажиотаж, какого, конечно же, не ожидал ни ты, ни руководство. Наш Турандотов вместе с Антиповым, владельцем газеты, входят в руководство партии Блистательных Недоносков, и ждут – не дождутся, когда же к ним явится таинственный лидер.

Аркадий. А откуда он явится?

Марина. Это никому неизвестно. Но все знают, что из гущи народа, что он придет на зов маленьких обездоленных недоносков, которые составляют то ли большинство, то

ли значительную часть нашей страны, и этот приход будет прекрасен!

Аркадий. Но это безумие!

Марина. Это безумие, придуманное тобой!

Аркадий. Блистательный Недоносок – это имя погибшего бомжа, поэта, чьи стихи я только что здесь читал!

Марина. Попробуй прочитать их на завтрашнем банкете.

Аркадий. И попробую, мне теперь терять нечего.

Марина. Им тоже терять нечего.

Аркадий(*с пафосом*). Сила поэзии способна победить любое безумие!

Марина(*насмешливо*). Недоноскам плевать на поэзию. Скажи спасибо, если завтра тебя не разорвут на маленькие клочки!

Аркадий. Меня – их создателя?

Марина. Это обычная участь гениальных творцов – быть растерзанным собственным детищем!

Аркадий(*заторопившись*). Тогда до завтра. Мне нужно еще многое успеть и многое передумать. (*Хочет поцеловать Марину, но в последний момент не делает этого.*)

Марина(*тоже порывисто бросаясь к нему и в последний момент останавливаясь*). До завтра, и будь осторожен. Помни про участь гениальных творцов, и про чудовищ, которых они случайно создали!

Расходятся.

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

Актальный зал газеты «Верное направление». Банкет по случаю явления народу Блистательного Недоноска. В глубине зала настежь открытая дверь, через которую неторопливо, один за другим, проходят гости. У входа их встречает Марина, прикалывающая на грудь каждому из них значок с надписью: «Блистательный Недоносок». Гости проходят по красной ковровой дорожке, и в противоположном конце зала их встречают по очереди Турандот, Антиподов и Софья Андреевна, разговаривают, а также, если необходимо, знакомятся с ними, и направляют к большим, накрытым белыми скатертями столам с напитками и закусками, которые стоят по бокам зала. Из боковых дверей время от времени выходят официанты, обслуживающие гостей. Справа на стене телефон. Все возбуждены и радостны от предчувствия встречи с великим человеком, имени которого никто не знает, и появление которого ожидают, как появление Мессии. Женщины, а вместе с ними и некоторые мужчины, экзальтированы до предела. То тут, то там слышатся разного рода выкрики и нервные смешки, а иногда даже и женские визги. Между столами с невозмутимым видом прохаживаются Влюбчивый и Внимательный, одетые во все черное, заглядывающие бесцеремонно в тарелки гостей, и тут же совершенно открыто делают

щие пометки в больших пухлых блокнотах.

Через настесь открытую дверь в глубине зала входят Гондурасов и Месопотамов, направляются по красной ковровой дорожке к встречающему их Турандотову. В руке у него список приглашенных гостей.

Гондурасов (*трясет за руку Турандотова*). Аполлинарий Игнатьевич... (*задыхается от душащих его слез, машет рукой, отходит в сторону, вытирает платочком глаза, жалобно*). Нет, не могу, событие-то какое, в пору напиться, как последняя зюзя, и лежать под забором, похрюкивая и посапывая от удовольствия, или выйти на улицу под красными флагами и кричать во всю глотку: «Мы победили!» (*Опять утирает слезы платочком, безнадежно машет рукой.*) Нет, не могу, пойду приму пятьсот капель успокоительного, забудусь в одиночестве в преддверии неизбежного!

Уходит к накрытым столам, выпивает залпом один за другим несколько бокалов шампанского, облакачивается рукой об стол, с любовью поглядывает на Турандотова.

Месопотамов (*также трясет за руку Турандотова*). И мои поздравления тоже примите, Аполлинарий Игнатьевич, вместе работали над светлой идеей! Не ждали, не гадали, Аполлинарий Игнатьевич, а вот дождались-таки, и отступить теперь некуда! Шутка ли: явление народу самого

Блистательного Недоноска! И все благодаря нашей газете, все мы с вами придумали! (*Смотрит на Турандота в кристально-честными глазами.*) Думаю, что и явление Христа народу вызывало в душах такое томление!

Турандотов (*добродушно, похлопывает его по плечу*). Ну-ну, успокойся, никто пока не явился, все еще впереди. Пойди, поддержи нашего Гондурасова, но будь начеку, если что, лети ко мне на помощь!

Месопотамов. Буду бдителен, как барышня в первую брачную ночь! (*Отходит к Гондурасову, и также выпивает залпом несколько бокалов шампанского.*)

Турандотов (*безнадежно махнув рукой*). Как же, будешь ты бдителен, как барышня в первую брачную ночь! Вот от такой бдительности и рождаются дети!

В зал через настесь открытую дверь входят депутаты Госдумы Зиндельштейн и Шалун. Турандотов смотрит в список гостей, шевелит губами, находит нужные фамилии, бежит навстречу.

Турандотов. Господа, почту за честь! (*Пожимает обоим руки.*)

Зиндельштейн (*жмет руку*). Зиндельштейн, депутат Госдумы. Мы с вами уже встречались!

Шалун (*также жмет руку*). Шалун, и, как вам известно, не прозвище, а депутат!

Турандотов. Как вы сказали?

Шалун. Я сказал, что Шалун – это не прозвище, а депутат!

Турандотов *(он поражен)*. Не может быть. Нет, вы это серьезно?

Шалун. Я вообще очень серьезен, в отличие от Зиндельштейна *(кивает на Зиндельштейна)*, который явление Блистательного Недоноска народу предлагал устроить в стенах Госдумы. Но я его от этого отговорил, и депутатов убедил, что не надо спешить, что пусть все появится снизу, как и положено народной инициативе, а потом уж пойдет и пойдет гулять по полям и лесам, как свежий ветер, или как Потоп, после которого уже никого не будет. Скажите, а скоро ожидается прибытие Недоноска?

Турандотов. Я сам точно не знаю, все держится в большом секрете, но, думаю, как все соберутся, он нам и объявится!

Зиндельштейн. А сами-то вы его хоть раз воочию видели? Кто он таков? на кого похож? мужского, или женского полу? большого росту, или не очень?

Турандотов. Сам не видел, скрывать не буду, но думаю, что росту он страшного, такого, как и положено быть главному генералиссимусу. Да и с полом, думаю, у него тоже что-нибудь грандиозное.

Зиндельштейн. Это в каком смысле?

Турандотов. В смысле, что он выше простых пред-

рассудков, и сможет удовлетворить любое желание. Или что-нибудь вроде этого. Одним словом, пол у него тоже достаточно страшный.

Зиндельштейн *(он ничего не понял)*. А, вот оно что! Можно, мы с Шалуном пока в сторонке понаблюдаем? *(Показывает в сторону накрытых столов.)*

Турандотов. Да, да, конечно, оттуда наблюдать очень приятно!

Зиндельштейн с Шалуном отходят к накрытым столам.

Турандотов *(вытирая платочком мокрый лоб)*. О Господи, пронесло, хорошо, что хоть не вся Дума сюда явилась, а только лишь эти двое. Всей Думы я, пожалуй, не вынес бы. И потом, откуда я знаю, как выглядит и какого полу ожидаемый Недоносок? Быть может, он такой страшный, что мы отсюда уже вообще не выйдем! Быстрее бы сменили меня на этом посту, страх как хочется присоединиться к Гондурасову и Месопотамову! *(Смотрит на пьющих в обнимку товарищей.)*

Заходят Все таковский, Смехотворный и Харизматический. Марина у входа прикрепляет им на лацканы большие значки. Все таковский пытается ее уцепить, но она ловко уворачивается в сторону.

Всетаковский (*подходя к Турандотову*). Ловкая девица! Такая уж если прищепит что-нибудь (*показывает на значок с надписью «Блистательный Недоносок»*), то прищепит надолго. (*Пожимая руку.*) Всетаковский, мы с вами на заседании Оргкомитета уже познакомились.

Турандотов (*в ответ пожимая руку*). Как же, как же, очень хорошо помню, вы еще тогда упали очень неловко. Скажите, не ушиблись ли вы, и не повредили себе какой-нибудь член?

Всетаковский (*оглядываясь на Марину, грозя ей издали пальчиком*). Я если падаю, то только сверху, так что, прошу прощения, не повредил ничего! (*Еще раз оглядываясь на Марину.*)

Смехотворный (отодвигая его в сторону, протягивая руку). А я Смехотворный, мы все трое делегаты от нашей общественности.

Турандотов (*делая понимающие глаза, пожимая руку*). Вот как, от общественности?

Смехотворный. Общественность ждет появления Недоноска. Я, например, хоть и ношу такую смешную фамилию, но очень серьезно воспринимаю ожидание общества. Партия Блистательных Недоносков нуждается в лидере, ведь без этого, то есть без лидера, люди не могут существовать!

Турандотов (*сразу же соглашаясь*). Да, да, конечно, как только лишь явление состоится, так, думаю, и успокоим

людей. Впрочем, нам сейчас только день простоять да ночь продержаться, то есть, я имею в виду, прожить сегодняшний вечер.

Харизматический (*отталкивая С м е х о т в о р н о г о*). Не говорите так долго со Смехотворным, он хоть и носит смешную фамилию, но очень большая задница. Он хоть и представитель общественности, но самой косной и занудливой ее части. Кстати, я Харизматический, мы с вами недавно бумаги подписывали.

Турандотов (*жмет ему руку*). Простите, а вы к какой части общественности имеете отношение?

Харизматический. Я вообще к общественности никакого отношения ее имею.

Турандотов. Это как же?

Харизматический. Общественность имеет меня в качестве ее представителя. Я, если надо, представляю общественность то в судах, то в разного рода президиумах, как сегодня: на банкетах по случаю и без случая, на похоронах, поминках и именинах уважаемых лиц. А я сам по себе к общественности не отношусь совершенно, и рядом с ней никогда не стоял!

Турандотов (*зачарованно глядя ему в рот*). А, вот оно что... (*В с е м т р о и м.*) Вы пока отойдите в сторонку (указывает на столы с закусками и напитками), и постойте там, поскольку тут от общественности еще кое-кто ожидается! (*Сматривает список приглашенных г о с т е й, шевелит гу-*

бами.)

В с т р о и ц а отходит к столам и набрасывается на напитки с закусками. Слышатся возгласы: «Я бы эту общественность, будь моя воля, близко в присутственные места не пускал!», «Я не Смехотворный в смысле ничтожный, я тоже в некотором смысле представляю общественность!», «Иные девицы, други, падают так неловко, что от этого население увеличивается!», и т. д.

Появляется *Л и м п о п о* вместе со *З н о й н о й* *А в д о т ь е й* *Н и л о в н о й*.

Т у р а н д о т о в (бросаясь навстречу им). Джузеппе Петрович, и вы здесь! По зову сердца, или по призыву общественности?

Л и м п о п о (скривился, будто от кислого). Какая общественность, батенька? Общественность – это шлюха, которая продается за деньги на каждом углу. Общественность – это общественные туалеты, которых у нас тоже практически нет. Одно, извините, общее отхожее место без всяких удобств, без подогрева и стульчака, прямо в голом поле, или, извините, в подъезде. А в стране, где нет общественных туалетов, не может быть и приличной общественности. Так что я, батенька, не от общественности, а от своей писательской организации. Кстати, разрешите представить: Знойная, Авдотья Ниловна, литературовед, пишет диссертацию о моем

скромном творчестве.

Знойная (*жмет руку Турандотову*). Авдотья Ниловна, доктор наук, специализируюсь на поисках необыкновенных талантов. Таких, которые действительно невинны и девственны, как дочери китайского императора. Подобные таланты особенно редки, и рвать их зубами, то есть, прошу прощения, брать под опеку и под защиту одно наслаждение для стареющей женщины. Сожрать живьем, то есть, прошу прощения, помочь встать на ноги какому-нибудь талантливому драматургу, написавшему гениальную пьесу, – это все равно, что обрести райское счастье, или выиграть миллион в беспроигрышную лотерею!

Лимпопо (*смеется*). Я для Авдотьи Ниловны никакого интереса уже не представляю, так как пишу в основном мемуары, или езу на заграничные форумы.

Знойная (*со смехом*). Да, старые мерины мне абсолютно неинтересны, мне подавай свежатинку, подавай неофитов, которые меня возбуждают почище «Виагры». Скажите, а нельзя ли мне познакомиться с автором этой вашей гениальной статьи, в которой впервые было упомянуто о Блистательном Недоноске?

Турандотов (*разводит руками*). Нет, к сожалению, нельзя, ибо он сбежал, не выдержав груза славы, и где находится в настоящий момент, неизвестно.

Знойная (*хищно*). Как жаль, а у меня как раз в животе забурчало в предчувствии лакомого кусочка! Вы мне со-

общите, если не трудно, когда он опять на работу вернется. (*Л и м п о н о.*) Пойдем, Джузеппе Петрович, выпьем по маленькой; нет авторов, так хоть сэндвичей пожуюм!

Турандотов (*с преувеличенной вежливостью*). Да, да, вы пока выпейте и закусите, неизвестно еще, что будет после пришествия Недоноска: то ли сухой закон, то ли всеобщая мобилизация!

*Л и м п о н о и З н о й н а я закусывают и выпивают.
В банкетный зал заходит К л и к у ш а.*

Турандотов (*удивленно*). А тебя каким чертом сюда занесло, старая сводница?

Кликуша. Вот в том-то и дело, что чертом, милый мой человек, не к ночи будет помянуто это имя. Чувствую, что пахнет жареным, и не могу удержаться, ибо страсть как люблю все с пылу и с жару. Позволь, мил человек, в сторонке постоять, и посмотреть на грядущее светопреставление. Мне много не надо, крошку в рот да водички глоток, а все остальное сами дадут.

Турандотов. В том-то и дело, что дадут, ибо без таких, как ты, к сожалению, не обойтись. Ладно, постой в сторонке, да смотри не проси никого ручку позолотить – тут такие люди, что миг своей золотой ручки лишишься!

К л и к у ш а кланяется и отходит в сторону.

*Появляется Люся Шпичаки с ней стайка покло-
нниц. По залу прокатывается сдержанный ропот.*

Люся (*проходя вперед по ковровой дорожке*). Спокойней, ребята, спокойней, это пока что не Недоносок, а я, Люся Шпичак, светская львица. (*Турандотову.*) Извините, папаша, что без приглашения и без бриллиантов, все брилики оставила в сейфе. Воруют, папаша, воруют безбожно, что в Каннах, что в отечественных забегаловках. Ну да ладно, это все мелочи, в обществе недоносков и без бриликов можно вполне обойтись (*пренебрежительно оглядывается по сторонам*).

Турандотов (*растерянно глядя в список гостей*). Но позвольте, вас нет в числе приглашенных!

Люся (*беря Турандотова двумя пальчиками за лачкан*). Послушай, папаша, мне не нужно никаких приглашений, я и без них бывала везде! (*Загибает пальцы.*) Я бывала в Каннах и в Ницце, я посещала скачки на приз президента, меня приглашали в Чечню, и я танцевала там для бородатых и вооруженных мужчин: прямо на столах с фантастическими яствами, совершенно голая, прострелянная насквозь несколькими сотнями обезумевших глаз. Я бывала везде, понимаешь: вез-де, – потому что я светская львица, и без меня не может обойтись ни один прием и банкет. Я очень любвеобильная и очень добрая, меня желают и любят одновременно очень многие, я вызываю оргазм сразу у огромной толпы,

и могу заменить собой несколько публичных домов. Я – уникальный феномен не хуже вашего ожидаемого Недоноска, и я ни за что не пропущу появление такого блистательного супермена!

Турандот *в(растерянно, с дрожащими губами).* Но почему вам известно, что это супермен, почему вам известно, что это мужчина? Никто не видел Недоноска в лицо, его только все ждали, но что он конкретно из себя представляет, никому неизвестно. Это вообще может быть женщина, или существо иного порядка, которое поразит всех так, что мы вообще больше не встанем!

Люся *(снисходительно).* Папаша, а почему ты думаешь, что Люся Шпичак спит только с мужчинами? Да от мужчин меня давно уже тошнит, как от не знаю чего. И это даже хорошо, что Недоносок окажется женщиной или внеземным трансвеститом!

Турандот *в(отчаянии кричит).* Но здесь вам не публичный дом, здесь редакция известной газеты!

Люся *(снисходительно).* Это у вас, у недоносков, не публичный дом, а у Люси Шпичак везде публичный дом! *(С т а й к е п о к л о н н и ц.)* Пойдемте, девушки, освежимся перед предстоящей работой!

Уходят к накрытым столам, вызвав там ажиотаж и переполох.

Турандотов (сам себе, растерянно). Но как же так, ведь их не было в списке! (Бессмысленно смотрит в изрядно помятый уже список гостей.)

В дверях появляется множество гостей, которые шумно заходят в зал и растекаются по всему помещению.

Марина не успевает выдать всем значки и надпись: «Блистательный Недоносок».

Турандотов (растерянно, перебегая от одного гостя к другому). Господа, но так же нельзя, здесь же официальный банкет! (Пытается остановить одного из гостей.) Кто вы, откуда, представьтесь, так же нельзя!

Гость. Квазимодо Ваня, стриптизер. Вы только не перебивайте и выслушайте меня до конца. Понимаете, это я сейчас стриптизер и все такое, в том числе и секс-символ для многих как женщин, так и не женщин вообще, но это все наносное, и в душе я очень раним. Пропустите меня, добрый человек, я вам что хотите наедине покажу!

Заискивающе улыбается Турандотову. Турандотов отшатывается.

Турандотов. Нет, нет, лучше не надо!

Квазимодо (очень проникновенно). Нет, вы не поняли, я, видимо, уже вообще никому ничего не буду показывать,

и даже очень знойным старушкам, которым за восемьдесят, и которые платят мне за это огромные деньги. А зачем мне огромные деньги, если в душе я раним и заброшен, если я недоношен по жизни, и только прикрываюсь крепкими мускулами? *(Очень жалобно.)* Пропустите меня, дядя, а не то я в обморок упаду!

Турандот *(слабо машет рукой)*. Проходите. Раз вы недоносок по жизни, то вам тут самое место! Только не обнажайтесь и не падайте в обморок!

К в а з и м о д о идет за столы, машет ручкой, как знакомой, Люсе Шпичак. Люся машет в ответ.

Турандот *(хватая за шиворот другого непрошенного гостя)*. А вы кто такой?

Гость. А я Прокофий Филиппович, приехал из Нижнего. Где тут у вас комплексный обед можно приобрести? Мотался, знаете-ли, весь день по Москве, ничего, кроме слухов о каких-то не то недоношенных неграх, не то извращенцев с блестящей прической, не смог почерпнуть. А так хочется в Третьяковку сходить!

Турандот *(тупо глядя на него)*. Если насчет недоношенных и извращенцев, то это как раз к нам. А комплексный обед вам сейчас подадут. Вы на второе что предпочитаете: котлету по-киевски, или биточки с подливкой?

Прокофий Филиппович *(жалобно)*. Мне

лучше биточки, у меня денег не очень много, а так хочется в Третьяковскую галерею попасть!

Турандотов (*орет*). Туда, туда, если в Третьяковскую, то туда! (*Показывает на столы.*)

Проконфий Филиппович. Большое спасибо, только мне без подливки, пожалуйста, у меня изжога и застарелая язва!

Турандотов. Хорошо, что не застарелый сифилис!

Проконфий Филиппович. Это как?

Турандотов. Это шутка. Идите, вас обслужат по первому классу!

Проконфий Филиппович идет обедать. Появляется Немчинский, взгляд его полубезумный, в руках пачка листов со стихами. Идет вперед, не замечая Маринь, которая в испуге отшатывается от него, и натывается на Турандотова.

Турандотов. Ба, вот это явление! Откуда, друг, какими судьбами? А мы уж, брат, совсем тебя со счетов списали; хотели вот только к премии посмертно представить, да взять на твое место нового человека.

Немчинский (*тянет руки к Турандотову*). Аполлинарий Игнатьевич, я все выяснил!

Турандотов (*удивленно, потом с досадой махнув рукой*). Что ты выяснил? А, впрочем, это неважно! Ты, друг,

не можешь уже ничего ни выяснить, ни, наоборот, запутать и замутить, потому что след свой в истории ты уже оставил, и больше от тебя не требуется ничегошеньки.

Немчинский (*все так же протягивая руки в сторону Турандотова*). Аполлинарий Игнатьевич, я каюсь, я сознаю, что написал безумную, совершенно бессмысленную статью, которую обманом, с помощью Марины, поместил в вашей газете. Мне не давало покоя имя, услышанное вполуха и мимоходом – Блистательный Недоносок, – оно действовало на меня гипнотически и наркотически, я заболел сочетанием этих двух слов, и итогом этой болезни явилась эта необдуманная статья.

Турандотов (*внимательно глядя на него*). Мне кажется, ты и сейчас болен!

Немчинский. Да, я болен, я болен поиском истины и новым, совершенно ошеломляющим знанием! Ибо я бросил все, что имел до этого: газету, семью, друзей, любимую, и, спустившись под землю, проникнув в страшные московские катакомбы, отыскал наконец-то того, кто зовется Блистательным Недоноском!

Турандотов (*скептически*). Ну и кто же это такой, чье это имя?

Немчинский (*страстно*). Блистательный Недоносок – это имя одного московского бомжа, к тому же талантливо-го поэта, и вот его стихи, которые, я уверен, вы напечатаете в вашей газете. К сожалению, его нет больше на свете, он

трагически погиб, но я поклялся издать его книгу стихов, и, что бы мне это ни стоило, выполню свою клятву!

Турандотов (*так же скептически*). И это все?

Немчинский. Да, все, но разве этого мало? Разве это не сенсация, которой стоит посвятить целый номер газеты?

Турандотов (*мягко, укоризненно*). Миленький мой, твоя сенсация ровным счетом ничего не стоит. Блистательный Недоносок – это вовсе не бомж, и уж тем более не поэт, ибо неизвестно еще, кто более неудобен и опасен для общества! (*Воодушевляется.*) Блистательный Недоносок – это высшее существо, предел мечтаний всех нас, маленьких и не блещущих ничем недоносков, на банкет по случаю явления которого ты сегодня попал. Понятно тебе – не бомж и не поэт, а высшее существо, которое с минуты на минуту явится нам и миру, и, возможно изменит вообще ход истории. (*Пренебрежительно показывает на стихи.*) А свои стишки ты можешь выкинуть в ближайшую урну, они здесь абсолютно никого не интересуют!

Немчинский (*растерянно*). Почему же выкинуть? Но как же так! Ведь я действительно все выяснил, и все это правда! Нет, я не буду молчать, я не хочу молчать, ведь смерть человека не может пройти бесследно, тем более смерть поэта! (*Бросается к накрытым столам, перебегает с одной стороны на другую, обращается к гостям.*) Послушайте, послушайте меня, ничтожного, начинающего журналиста, практически стажера, который бросил все, спустился в московские

катакомбы, и узнал страшную правду. Правду о жизни, которую ни я, ни вы, никогда не видели, и никогда не увидим. послушайте стихи странного бомжа по имени Блистательный Недоносок, которые он написал глубоко под землей, и которые я вынес наверх, чтобы читать солнцу и свету! Слушайте! Слушайте! Слушайте! (*Читает стихи.*)

Мочить в сортирах,
Мочить в пещерах,
Стрелять в квартирах,
Играть на нервах,
Все в мире просто,
Когда ты храбрый, —
Абракадабра,
абракадабра!

Когда ты храбрый,
Когда ты честный,
И взгляд открытый,
Как у невесты,
Мундир отлично
Сидит на малом, —
Дерьма навалом,
дерьма навалом!

Дерьма навалом,
И денег тоже,
Сажай в подвалы

И бей по роже,
Мы вправе делать
Все это сами, —
Прости, Сусанин,
прости, Сусанин!

Прости, Сусанин,
За наше время,
За то, что вдали,
И за евреев,
И за чеченов
Прости уж сразу, —
Добей заразу,
добей заразу!

Мы не заразы,
И не вампиры,
И нас не надо
Мочить в сортирах,
И нас не надо
Стрелять в пещерах, —
Игра на нервах,
игра на нервах!
Игра на нервах,
Игра на вылет,
Кто не был в стервах,
Тот не осилит,
А, значит, будет
Поставлен к стенке, —

Дрожат коленки,
дрожат коленки!

Дрожат коленки
У всех без спроса,
Поставить к стенке,
И нет вопросов,
Тошнит в сортире,
Тошнит в пещере, —
Дай всем по вере,
дай всем по вере!

Дай тем мундиры,
Кто жил без веры,
Дай им сортиры,
Дай им пещеры,
Дай им навалом
Дерьма в придачу, —
И денег с дачей,
и денег с дачей!

Дай им, о Боже,
Того, что просят,
Дай им по роже,
Пусть их заносит,
Пускай до гроба
Сидят в пещере, —
Дай им по вере,
дай им по вере!

Некоторое время после того, как Немчинский кончил читать, стоит пронзительная тишина, а потом раздаётся оглушительный смех. Гости смеются и корчатся в пароксизмах и судорогах безумного смеха, который валит их с ног, бросает друг на друга, заставляет бить об пол посуду и вскакивать на столы, чтобы совершать на них отвратительные и дикие танцы.

Немчинский стоит растерянный посреди актового зала, держа в опущенных руках пачку стихов.

Немчинский (*грустно*). Простите, господа, но я, кажется, понял вашу главную мысль. Вам не нужны стихи мертвых поэтов, как, очевидно, не нужны и живых. Вы предпочитаете быть недоносками, ну так будьте же ими, а я ухожу, чтобы вновь спуститься под землю. Здесь, наверно, слишком все подло и гадко, слишком отчетливо видны ваши пороки, а мне необходимы тишина и покой, чтобы решить, как жить дальше!

Уходит, прижимая к груди пачку стихов. Смех и улюлюканье сопровождают его уход.

Появляется чета Антиповых, с интересом оглядывает уходящего Немчинского.

Турандотов (*бросаясь к Трояну Борисовичу*). Ну что, слышно что-нибудь?

Антипов. Нет, пока ничего не слышно.

Турандотов. А видно что-нибудь?

Антипов. Нет, и не видно покамест, но чую, близко уже.

София Андреевна (*начинает завывать*). Гул по земле идет, земля слухом полнится, шаги слышу тяжелые, поступь слышу командную!

Антипов (*жене*). Не вой, София Андреевна, как сука на луну, или на мертвых щенят, держись до конца, как ты держалась за своим кассовым аппаратом! Одним словом, София Андреевна, становись за кассу, и управляй этим борделем! (*Делает рукой вокруг широкий жест.*)

София Андреевна (*так же весело-истерично*). Бордель так бордель, а все же поступь тяжелую явственно слышу!

Турандотов (*обалдело-полуобморочно*). Вот и прекрасно, что вы решили меня сменить. Я, если сейчас не выпью чего-нибудь, то или старуху пришью, или заговорю разом на двенадцати языках!

Присоединяется к гостям и залпом выпивает несколько бокалов шампанского.

Безумие продолжается еще с больше силой. Гости по очереди выбегают на середину банкетного зала, кто один,

кто вдвоем, кто в с т а е с такими же г о с т я м и, кто голышом, кто в галстуке и в ботинках, держа в руках то вилку, то тарелку, то недопитый бокал, и выкрикивают местами нечленораздельное и непонятное. Потом возвращаются назад, и на их месте тут же появляются новые. Некоторые танцуют и пытаются петь. В л ю б ч и в ы й и Внимательный строчат в свои блокноты не переставая, заглядывая в рот гостям то с одной, то с другой стороны, то просовывая голову им под мышку, то забираясь под стол, то даже вскакивая на них сверху.

Гондурасови Месопотамов (*обнявшись*). Кто сказал, что журналистика – это вторая древнейшая профессия в мире? Протестуем, она родилась самой первой, ибо еще змий в райском саду выпускал газету для Адама и Евы, в которой рекламировал райские яблочки, как панацею от одиночества, поноса, туберкулеза, куриного гриппа и ночного недержания мочи. Неудивительно, что Ева поддалась на эти дешевые штучки! (*Уходят.*)

Зиндельштейни Шалун (*обнявшись*). Кто сказал, что в Государственной Думе работают одни недоноски? Протестуем, здесь все несут и несутся, как следует! Ура, да здравствует президент! Да здравствует Государственная Дума, самая честная Дума в мире! (*Довольные, исчезают.*)

Всетаковский, Смехотворный и Харизматический (*обнявшись*). Про какую общественность вы го-

ворите? Мы слышали про общественные работы, общественный договор и общественные туалеты. Общественность – это аппендикс, от которого давно избавились путем хирургического вмешательства. Общественность – это то, что заформалинено и лежит на полке в кунсткамере. Общественность вообще надо приравнять к непотребным словам, и писать ее на заборах и в общественных туалетах, тужась от собственного величия и от величия твоей великой страны. (*Орут.*) Меняем общественность на общественные туалеты, тем более, что последних действительно мало! (*Исчезают, шатаются.*)

В л ю б ч и в ы й и В н и м а т е л ь н ы й (*оба в черных очках и с прежними блокнотами, в которые они записывают ответы з р и т е л я м*). Вы женаты? вы имеете родственников за границей? вы интересуетесь государственными секретами? вас кусали в детстве собаки? как вы относитесь к однополым бракам? вы диссидент? вы потенциальный шпион? не спорьте, в душе все диссиденты! вы готовы продать Родину за миллион долларов? а за два миллиона? а за десять? не готовы? тогда вы еще опасней, и вас нужно немедленно расстрелять. А мы готовы, и поэтому не опасны, и задаем вам эти вопросы! Молчать, не разговаривать, повернуться спиной, снять обувь, она вам уже не понадобится; вы дышите? вы спите, вы мечтаете о прекрасном? не будьте наивными, нам известны все ваши мечты; можете пока что идти, но не думайте, что это надолго! (*Улыбаются, и, обнявшись, ухо-*

дят.)

Л и м п о п о. Вы не слыхали про новую национальную идею: все становятся недоносками, и срок беременности автоматически сокращается на пару месяцев. Большая экономия будет в масштабах огромной страны! (*Уходит.*)

З н о й н а я. Скажите, как вы относитесь к вопросам языкознания? Не думали об этом? Вот и напрасно! (*Протягивает вперед руку.*) Слышите шелест страниц – это верстается второй том «Вопросов языкознания», и, поверьте, чтение его сплотит всех не хуже любой национальной идеи! (*Язывительно улыбается, уходит.*)

К в а з и м о д о. Квазимодой Ваней меня зовут, и вы не смотрите, что я такой накачанный и любимец слабого полу. Я на самом деле тоже слабый, и маму очень люблю, потому что лучше мамы нет никого на земле. Меня в детстве папа очень сильно бил, и издевался разными нехорошими способами, а мама жалела, и гладила по голове. Вот поэтому я и вырос такой нехороший, но в душе я другой, и очень ранимый! (*Уходит.*)

К л и к у ш а. Кликуша я, Матрена Петровна, предсказываю землетрясения, моры и глады, вспышки сверхновых и рождение младенцев с тремя головами. Позолотите, родимые, ручку, скоро у вас на двоих будет одна голова и все небо в алмазах! (*Отходит.*)

Л ю с я Ш п и ч а к(*на столе, совсем голая*). Разврат, разврат! Да здравствует разврат, как новая национальная

идея для недоношенных и озабоченных! (*Танцует на столе в окружении восторженных поклонников и поклонниц.*)

Некто Прокофий Филиппович. А все же хорошо, что я не взял котлету по-киевски! Очень, знаете, хочется попасть в Третьяковскую галерею! (*Вежливо отходит.*)

Телефон, висящий на стене, начинает звонить.

Антиподов (*снимает трубку*). Але, кто говорит, Кремль? (*Сразу же вытягивается в струнку.*) Да, Порфирий Савельевич, это я, Антиподов. Все ли собрались? Все, Порфирий Савельевич, все до единого, и ждем-не дождемся явления Недоноска! Что вы говорите? Недоносок уже идет? Уже грядет, и шаги его гулко раздаются по коридору? Внимать шагам Недоноска, и отложить все ненужные мелочи? Хорошо, Порфирий Савельевич, все отложим, и будем внимать! (*Несколько мгновений прислушивается, а потом осторожно вешает трубку. Торжественным и звонким голосом.*) Господа, господа, Недоносок уже идет!

Гост и продолжают веселиться по-прежнему.

Дверь внезапно захлопывается, а потом открывается настежь. Слышится торжественный гимн и чьи-то твердые, уверенные шаги. Через дверь на красную ковровую до-

*рожку уверенно заходит Н е з н а к о м е ц в м а с к е. Оста-
навливается, ни на кого не глядя, посередине зала, на мгно-
вение замирает, и медленно снимает маску с лица.*

А н т и п о д о в (*торжественно и подобострастно*). Гос-
пода, Недоносок пришел!

*Немая сцена. Г о с т и застыли в тех позах, в которых
были они в последнее мгновение. На лицах у всех написаны
удивление и испуг. Рты перекошены, головы и туловища на-
клонены вниз, руки и ноги расставлены в стороны, глаза вы-
пучены. Какое-то время играет торжественный гимн, а по-
том наступает долгая, пронзительная тишина.*

Н е д о н о с о к подходит к краю сцены, и замирает, глядя
в зрительный зал.

*Общение Н е д о н о с к а с публикой продолжается бес-
конечно.*

Конец.

2006